

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Привидение в кроссовках

Любительница частного сыска
Даша Васильева

Кабинет
директора

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Дарья Донцова
Привидение в кроссовках
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 14

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118854

Донцова Д. Привидение в кроссовках: Иронический детектив: Эксмо;

Москва; 2007

ISBN 978-5-699-21349-8

Аннотация

Не успела Дарья Васильева стать директором книжного магазина, как в первый же день работы в шкафчике раздевалки продавщицы обнаружили труп неизвестной девушки. Но самое ужасное, что звали ее Дарья Ивановна Васильева, то есть убитая была полной тезкой Даши. Но как эта девушка попала в подвал? Дарья собирается это выяснить. Сюрпризы между тем продолжают: ураган привел в полную негодность Дашин коттедж, и любительница частного сыска временно поселилась в магазине вместе со всеми домашними животными. А тут еще по ночам в торговом зале начало разгуливать привидение. Да-да, банальное привидение в белом саване и... кроссовках...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	32
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	57
ГЛАВА 6	71
ГЛАВА 7	82
ГЛАВА 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Дарья ДОНЦОВА ПРИВИДЕНИЕ В КРОССОВКАХ

ГЛАВА 1

Если девушка знает себе цену, значит, она ее не раз называла. Я не очень люблю людей, заявляющих с апломбом: «Ну, меня обмануть никому не удастся, я хорошо знаю, чего стою!»

Спрашивается, откуда? Услышав подобную фразу, сказанную с гордым видом, я стараюсь побыстрее закончить с собеседником разговор, просто комкаю его на середине и убегаю. Понимаю, что такое поведение глупо, но поделать с собой ничего не могу. Но эти слова, сказанные сегодня Ленкой Карелиной, совершенно меня не обозлили. Ленка особое дело – ее и впрямь нельзя обмануть.

Когда-то мы учились вместе в институте, и Ленка уже тогда была страшно деловой. Те, кому исполнилось сорок, должны хорошо помнить приветливых, улыбчивых мужчин и женщин, появлявшихся в учреждениях с большими сумками, набитыми вещами, обувью и косметикой. Фарцовщики, так называли их в семидесятые годы, или спекулянты. Сто-

ило такому человеку возникнуть в коридоре, как большая, в основном женская, часть работающих мигом бросала все дела и неслась в туалет, где начиналось совершенно упоительное занятие: примерка шмоток.

Вот Ленка и была одним из этих коробейников, только таскала она не лифчики, платья или недоступные для большинства баб французские духи, а книги. Во времена, когда в СССР у власти стояли коммунисты, книги тоже были в тотальном дефиците. Причем ситуация на рынке торговли печатными изданиями выглядела парадоксально. Магазины ломались от обилия великолепно изданных томов в классных переплетах. Но при ближайшем рассмотрении это оказывалось нечто неудобоваримое: сборники постановлений ЦК КПСС, стихи каких-нибудь Пупкиных и Ляпкиных под бодрым названием «Широко шагает рабочий класс» и повести о пользе социалистического соревнования. Ни детективов, ни фантастики, ни хорошей учебной литературы, ни просто талантливых произведений, стихов и прозы любимых авторов нельзя было сыскать днем с огнем.

Нет, в СССР имелись и прозаики, и поэты: Катаев, Каверин, Вознесенский, Евтушенко... Но их произведения никогда открыто не лежали на прилавках, а доставались из-под полы. В магазинах процветала так называемая «нагрузка». Это когда вы, желая получить вожаделенный томик Цветаевой, должны были брать в придачу к нему сборник постановлений Совета Министров по кролиководству или роман

«В свете электрификации».

В советские времена иметь дома хорошую библиотеку считалось престижным. У партийной элиты существовали не только «колбасный» или «шмоточный», но и книжный «распределитель».

Книгами хвастались, их выставляли на виду, рядом с хрустальными фужерами и сервизом «Мадонна». Подпольного «книгоношу» на предприятии встречали не менее, а иногда и более радостно, чем фарцовщика с косметикой.

Вот Ленка и таскалась по учреждениям с передвижной торговой тачкой. Ахматова, Андрей Белый, собрания сочинений Достоевского, Чехова, Куприна. Рядом – Майн Рид, Джек Лондон, Дюма...

Нынешнему поколению, привыкшему к тому, что прямо у метро возможно купить любую интересующую книгу, никогда не понять нас, раскладывавших томики любимых авторов в туалетах на подоконники, между унитазом и ручком. Как не понять, какую бурю восторга вызывал обнаруженный роман Чейза или Агаты Кристи.

Едва только в стране повеяло свободой, народ начал организовывать «кооперативы». Помните то время, когда каждый второй принялся торговать продуктами? Вечно голодному советскому человеку казалось, что это самый стабильный, самый надежный бизнес: мясо, рыба, масло... Палатки и павильончики появлялись словно грибы после дождя.

А вот Ленка пошла по иному пути, она открыла книжный

магазин. Маленький, даже крохотный, в подвале, где раньше спали бомжи. Но расположен он оказался весьма удачно, прямо у самого метро. Народ выходил из подземки и наткнулся на вывеску «Офеня. Книги и канцтовары по оптовой цене». Через год у Лены было уже два магазина, а в 2000-м она торжественно, с оркестром, фейерверком, шампанским и телевидением открыла десятую по счету торговую точку. Теперь Ленка ходит в норковой шубе до пола, ездит на «Мерседесе» и ощущает себя акулой бизнеса. Вот ей-то как раз позволительно заявлять: «Я себе цену знаю».

– Ты только представь, – со вздохом рассказывала подруга, не подозревавшая о моих мыслях, – народ совсем испортился. Не могу найти приличного человека на место директора магазина.

– Новый открываешь? – поинтересовалась я.

Ленка кивнула.

– На улице Федосеева.

– Это где же такая?

– В центре, в районе Садового кольца.

– Оно большое.

– Перпендикулярно Садово-Кудринской.

Я припомнила то место.

– Там же сплошь старые дома.

– Ну и что? – удивилась Ленка.

– А ты вроде любишь строить по собственному проекту.

Карелина засмеялась.

– Точно, люблю, только не везде можно возвести новое здание. В центре вообще геморрой, площадки не найти. Да еще такие взятки нужно платить! Честно говоря, с улицей Федосеева мне просто повезло. Там всегда был книжный. Сначала муниципальный, потом частный. Только хозяин прогорел, мне точка, считай, за бесценок досталась. Но вот теперь проблема с директором.

– Неужели так трудно найти? – удивилась я. – Вроде столько народу работу ищет, или это очень хитрое дело, директорство?

Ленка отмахнулась:

– Любой идиот за месяц научится, при условии, что у него хороший бухгалтер и нормальный завскладом.

– Ну и возьми любого!

Лена вздохнула.

– У меня последнее время такое ощущение, что порядочные люди просто перевелись. Начинают работать и мигом принимаются обманывать хозяина.

– Как?

– А, – хмыкнула подруга, – есть сто способов, как лопухнуть работодателя, и мои служащие отчего-то очень быстро их осваивают. Директор магазина для меня жуткая проблема. Знаешь, признаюсь тебе в неблагоприятных действиях. Есть на Полянке магазин «Молодая гвардия». Слышала про такой?

– Конечно, я его обожаю, раз в неделю обязательно совер-

шаю туда набег. Такой выбор! Детективы, учебники, книги на иностранных языках!

– Вот, вот, – кивнула Ленка, – и впрямь блестяще поставленное дело. Я сама туда частенько заглядываю, инкогнито, поглазеть, что директриса новенького придумала... Знаешь местное начальство?

– Откуда?

– Да, действительно. Директор там Нина. Вот у кого, скажу тебе, надо поучиться! Прическа, макияж, идеальная одежда, прекрасные украшения, сама – красавица. Иногда кое-кто, в особенности из мужчин, думает: раз баба такая интересная, да еще и при серьгах с кольцами, значит, дура. Только обмануть Нину еще никому не удалось. Под внешне-стью очаровательной дамы скрывается просто железная бизнес-леди. У нее полный порядок везде: в торговых залах, в бухгалтерии, на складе. Корабль ведет крепкая рука. При этом учти, что она печется о сотрудниках, как мать родная. Организовала столовую для персонала, договорилась в каком-то совхозе, и им возят творог, молоко, сметану. Парикмахер приходит причесывать продавщиц. Ты не поверишь, но она наняла им учительницу немецкого и английского.

– Зачем? – изумилась я.

Ленка пожала плечами:

– Хотят знать иностранные языки. И они каждый год празднуют день рождения своего магазина, причем не где-нибудь, а в хорошем ресторане. Результат налицо: коллек-

тив, как дружная семья. Никакая дрянь там не задерживается, ее просто вытесняют. Продавщицы легко разбираются в ассортименте, покупатели клубятся, в кассы текут деньжонки. Причем Нина ухитряется держать в своем магазине самые дешевые цены! У всех Маринина по сорок рублей, а у нее тридцать пять! Вечно у них какие-то конкурсы среди покупателей, викторины, встречи с писателями.

– А это зачем?

– Господи, Дашка, – улыбнулась Лена, – народ бежит к любимому автору и просит автограф, сообразила?

– А-а-а, – протянула я, – им же для этого надо купить книгу!

– Молодец, – похвалила Ленка, – мигом сечешь! В общем, решила я Нину к себе переманить. И так и этак подъезжала. Зарплату предложила такую, что не поверишь! Процент от прибыли давала.

– И что?

– Ничего, – вздохнула Ленка, – она мило так сказала: «Спасибо за лестное предложение, но «Молодая гвардия» мое дитя, а мать ребенка не бросит даже за громадные деньги».

– А ты что?

Ленка вытащила сигареты.

– Ну там еще есть замдиректора Людмила и Люба, завскладом. Я к ним разбежалась, только зря. Бортанули они меня. Вежливо, с улыбочками. Кланялись, словно китайские

мандарины. Ах, Елена Николаевна, ваше предложение такая честь для нас, такая честь! Только что не сказали, катись-ка ты, Ленка, куда подальше. Вот и сижу с больной головой. Где взять директора! Главное, знаю, какой он должен быть.

– Ну?

– Женщина за сорок, не обремененная семьей, такая, чтобы пропадала на работе. Желательно, с квартирой, дачей, машиной, чтобы не было желания хапнуть, честная, инициативная, бойкая, интеллигентная, словом, такая, как ты, Дашка!

Я подавилась кофе.

– С ума сошла?

– Ни на минуту.

– Но у меня двое детей: Аркадий и Маня, да еще Ольга, невестка, и внуки. Анька и Валька, близнецы!

– Твой Аркадий давным-давно вырос, – ответила Лена, – скоро тридцатник справит, Зайка, то есть Ольга, целыми днями на своем телевидении пропадает, я ее каждый день на экране вижу. Манька не сегодня-завтра школу закончит. А насчет близнецов даже не заикайся. У них няня имеется, Серафима Ивановна, ты, моя радость, фиговая бабушка, памперсы застегивать и то не умеешь!

Пришлось признать, да, не умею, няня меня и близко не подпускает к детям.

– Еду у тебя готовит Катерина, – неслась дальше подруга, – убирает Ирка, денег у вас столько, что за три жизни не

потратить...

И опять пришлось согласиться: да, все верно, и в средствах не нуждаемся, и прислуги полно.

– Ты же со скуки дохнешь, – наседала Ленка, – а мне помочь не хочешь! Чем целый день занимаешься?

– Детективы читаю, – промямлила я.

– А теперь станешь их продавать!

– Но я ничего не понимаю в цифрах! Еле-еле пять и два сложить могу.

– Ерунда, там отличная бухгалтерия.

– Но у меня нет специального образования.

– У меня тоже, – парировала Ленка и, видя, что мои аргументы иссякли, радостно воскликнула: – Дашутка, ну согласись, совсем ненадолго, месяца на два.

– Почему на два?

– Есть в том магазине, – задумчиво пробормотала Ленка, – одна особа, Алла Рюмина, на первый взгляд очень подходит для директорского кресла. Опытная, хваткая, работает в книготорговле всю жизнь. Я прежних сотрудников магазина выгнала, ее одну оставила.

– Так в чем дело? – обрадовалась я. – Пусть садится в кресло начальника, и дело с концом.

– Что-то меня удерживает от этого поступка, – вздохнула Ленка.

– И что же?

– Не знаю, – пробурчала Лена, – вот и решила такую штуку

сделать. Ты поработаешь месячишко-другой, а я посмотрю, как Аллочка себя поведет. Ну что для нее важнее: успех дела или личные амбиции.

– Эксперимент ставишь?

Подруга кивнула:

– Можно и так сказать. Ты мне помоги, ну, пожалуйста!

– Вдруг не получится?

– Уволю с позором, – хихикнула подруга, но, увидав мое вытянувшееся лицо, рассмеялась.

– Не дрейфь, там и зеленая мартышка справится, было бы желание.

Понимая, что она меня сломила, я все же пыталась сопротивляться из последних сил:

– Вот поговорю сегодня с домашними, вдруг они против?

– Они за, – припечатала Ленка. – Все, как один, считают, что тебе полезно встряхнуться. А то, как сказал Кеша: «Мать стала похожа на сыр «Камамбер».

– Это в каком смысле? – удивилась я.

– Это в том смысле, что плесенью покрылась, – сообщила Ленка, – ладно, толковать больше не о чем. Зарплата достойная, место приличное, за работу, товарищи! Завтра в десять утра жду на Федосеева, буду представлять тебя коллективу.

– В десять! – ужаснулась я. – Это же надо в восемь встать.

– Ну и что?

Конечно, ничего. Будучи преподавательницей французского языка, я вскакивала ни свет ни заря, но за годы безде-

ля ни разу не проснулась раньше пол-одиннадцатого.

– В восемь самое время вылезать из-под одеяла, – заявила Ленка, – долго спать вредно.

Ну, с этим, пожалуй, можно поспорить.

– Все, – хлопнула Карелина ладонью по дивану, – обсуждать больше нечего.

Назавтра, ровно без пяти десять, я вошла в магазин. Группка оживленно переговаривающихся девушек притихла, потом одна сказала:

– Извините, мы откроемся в одиннадцать.

Я хотела было спросить, где Ленка, но тут подруга ворвалась в зал и резко приказала:

– Все наверх, в кабинет директора.

Через пять минут в довольно небольшом помещении стало тесно.

– Прошу тишины, – рявкнула Лена.

Мигом стихли разговоры.

– Знакомьтесь, – начала Карелина, – Дарья Ивановна Васильева, ваш директор. Возраст не сообщу, сами видите, дама молодая, энергичная, полная планов. Дарья Ивановна имеет высшее специальное образование, она окончила сначала полиграфический институт, а потом курсы директоров книжных магазинов.

Я разинула рот, Ленка что, с ума сошла? Мы же учились вместе в инязе!

– Жизнь так сложилась, – как ни в чем не бывало неслась

дальше Ленка, – что Дарья Ивановна в середине восьмидесятых оказалась в Париже, там она долгие годы директорствовала в одном из крупнейших французских книжных магазинов на бульваре Ривожи. Правильно? – повернулась она ко мне.

– На улице Риволи, – машинально поправила я, – в Париже нет бульвара Ривожи.

– Ага, – кивнула Ленка, – не в этом суть.

Слушая, как она превозносит мои деловые качества, я медленно покрывалась холодным потом. Ну, Ленка, ну сумасшедшая. Впрочем, определенная правда в ее словах есть. Я и впрямь долгое время жила в Париже, езжу туда по нескольку раз в год, у нас там дом, а на французском языке говорю так, что жители страны трех мушкетеров принимают меня за свою. Правда, небольшой акцент в речи все же есть, поэтому гасконцы считают меня бретонкой, бретонцы – гасконкой, а парижане уверены, что их собеседница провела детство и юность в департаменте Коньяк. Впрочем, иногда некоторые, особо проницательные, интересуются:

– Вы немка?

Так что насчет Парижа правда, я действительно знаю его как свои пять пальцев, но никогда не работала там в книжном магазине. Я даже не знаю, есть ли на улице Риволи точка, торгующая литературой.

– Ну что, Дарья Ивановна? – громыхала Ленка. – Начинайте, передаю вам бразды правления.

Я кивнула и хрипло сказала:

– Здравствуйте.

За долгие годы преподавательской карьеры я только и делала, что выступала перед людьми. Я никогда не терялась перед толпой, легко выходила из любого положения, а если была плохо подготовлена к занятиям, как все педагоги, давала контрольную работу. Имейте в виду, если преподаватель замучил вас или ваших детей бесконечной проверкой знаний, то он, скорей всего, лентяй. Намного проще заставить слушателей отвечать на тесты или писать диктанты, чем распинаться перед ними на кафедре, упорно вдавливая знания в неподатливые головы. Так что опыт публичных выступлений у меня огромный, но сегодня отчего-то стало страшно, наверное, поэтому я излишне резко сказала:

– Не о чем нам тут болтать, пора магазин открывать. Время – деньги, вон покупатели возле дверей толкуются.

Девчонки-продавщицы бросились на рабочие места, Алла Сергеевна загремела щеколдой.

– Молодец, – шепнула мне Ленка, – правильно начала, русскому человеку нужна палка, это тебе не Франция, понимаешь!

И она засмеялась, обнажив красивые, ровные белые зубы. Отчего-то мне стало нехорошо. Господи, во что я ввязалась? И к добру ли это?

ГЛАВА 2

Около часа дня Алла Сергеевна всунула в мой кабинет свою идеально постриженную голову и сказала:

– Дарья Ивановна, к вам пожарная охрана.

Я быстро закрыла блокнот, в котором бездумно рисовала чертиков, и удивилась:

– Зачем?

Потом исправилась:

– У нас что-то горит?

Алла Сергеевна молча посторонилась, и в кабинет вошел довольно молодой полный парень с папкой под мышкой.

– Добрый день, – бодро заявил он, – давайте, показывайте вверенный вам объект.

– Зачем? – Я продолжала недоумевать.

Инспектор вздернул брови и глянул на Аллу Сергеевну.

– Идите, Дарья Ивановна. – Она вздохнула. – Положено магазин проверить, тем более новый.

Начали с торгового зала.

– Непорядок, – пожарный ткнул пальцем в стеллажи.

– Почему?

– Расстояние между ними меньше метра.

– И что?

– В случае возникновения пожароопасной ситуации эвакуация людей будет затруднена.

– Но зал узкий!

– Ничего не знаю, уберите вот эти шкафы.

– А книги куда?

– Это не мое дело!

– Ладно, – кивнула я, – хорошо. Правила надо соблюдать.

– И жалюзи не подходят.

– Отчего?

– Не сделана специальная пропитка, в случае пожара они создадут дополнительный очаг возгорания.

– Пропитаем, – пообещала я.

Но инспектор не успокаивался.

– Где план эвакуации людей в случае пожара?

– Мы не собираемся гореть, – обозлилась я.

– План должен висеть на видном месте, и ящика с песком нет!

– Вы думаете, здесь живут кошки? Уже давно никто не пользуется песком, есть специальные наполнители для кошачьих туалетов!

Секунду парень молча смотрел на меня, потом хмыкнул:

– Шутите, значит! Это хорошо, с весельем лучше, а ящик с песком положен для окурков. Следует оборудовать место для курения и снабдить его всем необходимым.

– Обязательно выполним.

По магазину мы ходили целый час, инспектор раскраснелся и вспотел. В каждом помещении: на складе, в бухгалтерии, у кассиров – он нашел кучу нарушений, которые мето-

дично записал в блокнот.

Вернувшись в мой кабинет, он поинтересовался:

– Ну так как?

– Учтем все замечания.

– Ага, и что?

– Что? – удивилась я. – Обязательно их исправим.

– Ну и?

– Не волнуйтесь, за неделю сделаем.

– Так как?

Совершенно не понимая, чего он хочет, я рывкнула:

– Как, как, никак! Приходите через семь дней, все будет в полнейшем порядке.

– Ладно. – Голосом, не предвещающим ничего хорошего, протянул парень. – Ясненько, магазин закрываю.

– Почему? – подпрыгнула я.

– Ваша торговая точка не оборудована по правилам.

– Но мы все сделаем!

– Тогда и посмотрим.

– Но... – засуетилась я, – ...но так нельзя!

– Да? – прищурился инспектор. – Можно, даже нужно!

Главное – безопасность людей!

Я совсем растерялась, и тут в кабинет влетела Алла Сергеевна.

– Ах, – зачирикала она, – дорогой, э-э-э...

– Владимир Иванович, – с достоинством представился противный парень.

– Милый Владимир Иванович, – растекалась в улыбке моя заместительница, – вот тут, так сказать, презент от нашего магазина, книжечки всякие...

Инспектор взял пакет с надписью «Фирма «Офеня» и заглянул внутрь.

– Детективчики? Хорошо, вот только теща моя любовные романы любит.

– Минуточку, – подскочила Алла Сергеевна и заорала, приоткрыв дверь: – А ну живо всех сюда тащите: Коллинз, Браун, Бейтс...

Через пару секунд хорошенькая рыженькая продавщица приволокла еще один пакетик.

– Ладно, – протянул парень, – так и быть, работайте. Люди вы с понятием, а я тоже не вредный. Правила, конечно, хорошо, только разве их все соблюсть можно?

Изумительный глагол «соблюсть» рассмешил меня, но я удержалась и с достоинством сказала:

– Спасибо, Владимир Иванович, надеюсь, мы по-дружимся.

– А то, – ухмыльнулся проверяющий, – со мной легко, сразу на контакт иду, не то что некоторые. Вот приди к вам Поплавский, вот бы попрыгали! Работайте спокойненько, книги – дело хорошее, не водка с селедкой. А план эвакуации повесьте. Нарисуйте красивенько, со стрелками, куда бечь от пожара.

– Конечно, конечно, – кланялась Алла Сергеевна, – все

выполним обязательно, непременно, разноцветными фломастерами.

– Ну отличненько, – подвел итог Владимир Иванович и ушел.

Как только за ним захлопнулась дверь, улыбка сползла с умело покрашенного лица Аллы Сергеевны.

– Вот сволочь, – с чувством произнесла она, – хапуга!

– Здорово вы придумали с книжками, – похвалила я ее.

Она засмеялась:

– Дарья Ивановна, душечка, в пакетике еще конверт лежал с долларами.

– Вы дали ему взятку? – дошло до меня.

– Естественно, одними любовными романами тут не отделаешься.

– Сколько?

– Пятьдесят долларов.

– И как не побоялись! Вдруг бы он обозлился и скандал поднял!

Алла Сергеевна продолжала смеяться.

– Дарья Ивановна, дорогая, я всю жизнь в торговле. Что-то никто до сих пор на конвертик не обижался. Всем отстегивать придется, сейчас набегут, волки хищные.

– Погодите, – напряглась я, – деньги-то откуда взяли?

– Галина Владимировна дала, наш главный бухгалтер.

– А в документах это как отражено? Ведь небось нет такой расходной статьи – «взятки»?

Алла Сергеевна опять развеселилась.

– Разумеется, нет. Галина Владимировна знает, как деньги провести.

– И как?

– О, это с ней, там свои секреты. Мое дело попросить для пожарного, а ее дело – выделить средства. А разве в Париже не так?

– Нет, – осторожно ответила я, – французы придерживаются буквы закона.

– Конечно, – вздохнула Алла Сергеевна, – Европа! А мы Россия немывтая, и плестись нам всегда за развитыми странами. У нас не подмажешь, не поедешь.

– Спасибо, Алла Сергеевна, – с чувством сказала я, – уж извините, наверное, я буду делать ошибки первое время.

– Я вам помогу их избежать! – с готовностью воскликнула заместительница. – Только очень прошу, называйте меня просто Аллой.

– Хорошо, – улыbnулась я, – а вы меня Дашей.

– Вот и здорово, – обрадовалась Аллочка, – вы не сомневайтесь, я всегда буду рядом. Конечно, опыт работы во Франции – это хорошо, но в России своя специфика, давайте чайку попьем?

День покотился колесом, в восемь часов магазин для покупателей закрыли. Продавщицы стайкой побежали в раздевалку. Я стала собираться домой.

– Мама! Ой, мамочка, – донесся снизу девичий визг, – ой,

спасите! Помогите!

Я выскочила из кабинета и опрометью кинулась вниз.

– Дашенька, спокойно, – увещевала меня бегущая сзади Аллочка, – ей-богу, ничего не случилось!

– Но такой крик, – притормозила я.

– Скорей всего глупые девчонки увидели мышь, – предположила Алла. – Ну сейчас дам им как следует!

Мы вошли в раздевалку, я окинула взглядом продавщиц, жавшихся у стен, и спросила:

– Ну? В чем проблема? Грызунов испугались?

– Там, – пробормотала одна из девочек, тыча пальцем в сторону шкафчиков для одежды, – там...

– Света, – сурово сдвинула брови моя заместительница, – просто безобразие, веди себя прилично! Ну подумай, что эта мышь может вам сделать? Съесть? Она сама тебя до полусмерти боится.

– Там, Алла Сергеевна, там... – бубнила Света.

– Там не мышка, – закончила тихо другая девочка, высокая, очень хорошенькая блондинка, – там...

– Хорошо, крыса, – решительно прервала ее Аллочка, подошла к открытому шкафчику, говоря по дороге: – Ну подумаешь, ерунда, я сейчас... А-а-а-а!

Жуткий крик пронесся по подвалу, ударился о стены и замер под потолком. Как только звук затих, Аллочка кулем рухнула на пол. Я ринулась вперед и заглянула в шкафчик.

Внутри тесного, невысокого пространства, предназначен-

ного для хранения одежды, внутри железного ящика находилась молодая женщина, скрюченная самым невероятным образом. Некто запихнул ее туда, сложив буквально пополам. Голова оказалась прижата к ступням, обутым в элегантные кожаные сапожки. Лица я не видела, только роскошные белокурые волосы, блестящие, словно шевелюра моделей в рекламе шампуня «Пантин». Несчастливая была мертва. Ни одно живое существо не способно выдержать в подобной позе больше пяти минут.

На какую-то секунду у меня потемнело в глазах. Но потом, вспомнив, что являюсь здесь начальницей, я постаралась взять себя в руки и заявила:

– Всем вести себя спокойно! Случилась небольшая неприятность, но, поверьте мне, пожар намного хуже!

Продавщицы тихо клацали зубами от ужаса, у меня у самой было сильное желание завизжать что есть мочи и броситься прочь. Превозмогая себя, я ткнула пальцем в девочку.

– Света!

– Да, – дрожащим голоском отозвалась самая молоденькая, рыжеволосая продавщица.

– Возьмите кого-нибудь из коллег, поднимите Аллу Сергеевну и отнесите ее в торговый зал на кресло.

– Но... – начала девочка.

– Света, – железным тоном велела я, – выполняйте.

– Давайте вместе, а? – прошелестела Светочка.

Стайка продавщиц боязливо приблизилась к Аллочке, потом, ухватив мою заместительницу за руки и за ноги, они поволокли ее к выходу.

Я вышла следом, захлопнула дверь раздевалки и, приказав: «Всем оставаться в торговом зале, никому не уходить», – поднялась в кабинет и позвонила в милицию.

Вот уже много лет тесная дружба связывает меня с полковником Дегтяревым. Только дружба, вернее отношения сестры и брата, хоть теперь мы даже живем с ним вместе, в одном доме, в коттеджном поселке Ложкино. Мои дети любят Александра Михайловича, он платит им тем же. Я привыкла к тому, что приятель вытаскивает нас из всяких неприятностей, мелких и крупных. Мы мигом кидаемся к нему, если случается что-то, требующее присутствия правоохранительных органов. Полковник помог Кеше восстановить потерянный паспорт, несколько раз выручал Зайкины права, отобранные за превышение скорости, и ездил в Машкин колледж рассказывать о нелегких буднях уголовного розыска. Впрочем, случались неприятности и похуже, и всякий раз Дегтярев оказывался рядом.

Но сегодня его нет. На дворе метет пургой январь, и начальство полковника решило, что сейчас лучшее время для отдыха сотрудника. К слову сказать, Александру Михайловичу никогда не достается отпуск летом. Он холостяк, никакой семьи, кроме нашей, не имеет, поэтому в теплые месяцы вынужден работать. Июнь, июль и август предназначены для

семейных людей с детьми, для тех, кто должен копать огород у тещи под Рязанью или строить баню вместе с тестем. Может, оно и правильно, только бедному Дегтяреву давно не удается покупаться в теплом море и понежиться на песочке. К тому же он панически боится самолетов.

На Новый год Кешка и Зайка сделали приятелю подарок. Когда мы все, выпив после боя курантов шампанское, кинулись потрошить кульки и пакеты, Александр Михайлович удивленно спросил:

– Это что?

– Бритва, – ответила я, – самая хорошая, фирмы Braun, последняя разработка. Продавцы уверяли, что она просто экстра-класс, даже музыку играет, когда ты бреешься.

– Да нет, – сказал полковник, показывая на кипу разноцветных листочков, – вот это что?

– Это наш подарок, – хором ответили Зайка с Аркадием.

– А это мой в придачу, – радостно взвизгнула Маня и выставила на стол литровую бутылку коньяка.

– Ну и ну, – покачал головой практически непьющий Дегтярев. – Кто же тебя надоумил?

– Вот ты полетишь в Таиланд, – хихикая возвестила Маруся, – туда то ли десять, то ли девять часов лету, и от страха всю выпьешь!

– В Таиланд! – в ужасе выкрикнул Александр Михайлович. – За что?

– Ну ничего себе! – возмутилась Ольга. – Купили луч-

ший тур, пятизвездочный отель, три недели по системе «все включено», восемь экскурсий, крокодиловая ферма...

– Только крокодилов мне не хватает, – в обалдении вымолвил полковник, разглядывая билет. – Это что, пятого вылетать? Вы с ума сошли!

– Почему? – удивился Кеша.

– Ну надо же собраться, – начал мямлить полковник, – шорты купить, плавки...

– Все мы сделали, – затарахтела Маня. – Зайка тебе даже чемодан приобрела, можешь посмотреть, лежит в спальне на кровати.

Дегтярев пошел к себе в комнату.

– Мне кажется, он не слишком доволен, – робко сказала я.

– Ерунда, – подскакивала Маня, – каждому хочется побывать в Таиланде.

Но я была настроена не столь оптимистично. Никогда не стоит радовать других своей радостью.

– Это что? – спросил возникший на пороге полковник.

Кеша взял картонную коробку и сообщил:

– Презервативы, сто штук, тебе хватит? Таиланд – страна секс-туризма. Ну знаешь, там, массаж всякий, эротический!

Дегтярев побагровел. Маня хихикнула и вылетела в коридор.

– Вы тут без нас разбирайтесь, – быстро сказала Ольга и, ухватив меня за рукав, выволокла в холл.

– Чья идея была купить ему презервативы? – спросила я.

– Моя, – хихикнула Зайка. – Думала прикольноуться. Кто же знал, что он так обозлится.

Да уж, толстяка чуть удар не хватил.

Пятого числа мы подталкивали Александра Михайловича, бледного, с бегающими глазами, к самолету.

– Надеюсь, – бормотал полковник, двигаясь в сторону таможни, – просто искренне надеюсь, что за время моего отсутствия в доме ничего не случится. А то ведь ни на минуту нельзя оставить славный коллектив.

– Давай, давай, – приободрила я его, – Таиланд ждет. Фрукты, цветы, море, девочки... Оттянись по полной программе.

Последняя фраза была сказана мной явно зря, потому что приятель обозлился.

– Знаешь, Дарья, как тебя зовут у меня в отделе?

– Нет, – удивилась я.

– ПДН.

– Это что такое?

– Постоянно действующее несчастье, – вздохнул полковник, – а Витька Ремизов, заместитель мой, измеряет неприятности в Дашках.

– Как? – изумилась я.

– Просто, – пожал плечами Дегтярев, – ну, к примеру. Эта неприятность тянет на две Дашки, а вот то убийство уже на пять Дашек. Даже шкалу разработал. На самом верху двадцать Дашек.

– И что должно случиться, чтобы получить такой коэффициент? – заинтересовалась Маня.

– Ну, – почесал в затылке полковник, – допустим, разом пали стены Бутырского изолятора, и все сидельцы разбежались...

– А две Дашки что? – не успокаивалась дочь.

Александр Михайлович подхватил чемодан и поставил его на бегущую дорожку.

– Ерунда, пара трупов без документов и особых примет, найденные голыми в коридорах Государственной думы.

От негодования я потеряла дар речи. Ну, Витька Ремизов, погоди! Приедешь ты еще к нам в гости в Ложкино полакомиться кулебякой, которую печет Катерина!

И вот сегодня, скрипя зубами, приходится звонить противному Витьке, потому что обращаться в районное отделение мне совершенно не хочется. Мой жизненный опыт подсказывает: всегда лучше иметь дело со знакомыми, будь то стоматолог, гинеколог или милиционер.

Через час по магазину бродили мужчины, одетые не слишком шикарно. Пришедшую в себя Аллочку доктор наполнил валокордином. Продавщиц загнали в комнату отдыха сотрудников, она же буфетная. Девчонки оклемались и, обнаружив, что большинство приехавших ментов – это парни лет тридцати, без обручальных колец, мигом начали отчаянно кокетничать.

Витька расселся в моем кабинете и взялся за допрос. За-

дав кучу ненужных вопросов и выяснив хорошо ему известные мои имя, фамилию, отчество, год рождения и место проживания, Ремизов поинтересовался:

– Что можешь сообщить о личности убитой?

– Ничего.

– Она не из твоих сотрудников?

– Нет.

– Как попала в раздевалку?

– Понятия не имею.

– Имя убитой назвать можешь?

– Откуда? Я и лица ее не видела, только волосы да одежду, пиджачок описать могу.

– Ага, – пробормотал Витька, лихорадочно строча в блокноте, – волосы, ясенько, а про пиджак не надо.

Я хотела было спросить, что же ему ясно, но тут вошел высокий худощавый парень в черном свитере и положил перед Ремизовым паспорт. Витек открыл бордовую книжечку и присвистнул.

– Ну и ну! Значит, не знаешь, как зовут труп?

Все-таки у милиционеров нет никакого чувства языка. Как зовут труп!

Но Витьке было наплевать на красоты стиля.

– Значит, не можешь назвать? А я знаю!

– Ну и как?

– Дарья Ивановна Васильева.

От неожиданности я выронила чашку с кофе на пол.

Раздалось «дзынь», и керамическая плитка распалась на несколько кусков. Темно-коричневая жидкость вмиг впиталась в светлый ковролин, оставив на нем некрасивое пятно. Но мне было не до испорченного покрытия. Дарья Ивановна Васильева! Ничего себе совпаденьеце!

ГЛАВА 3

На следующий день я спустилась в торговый зал около полудня. Что ж, Ленка опять не прогадала. Место для очередного магазина подруга выбрала просто великолепно. Дом стоял углом, выходя одной стороной на шумное Садовое кольцо, прямо напротив здания виднелась троллейбусная остановка, а в двух шагах находился вход на станцию метро «Маяковская». В соседнем дворе расположены сразу две школы, общеобразовательная и музыкальная.

Я вспомнила, с какой страстью моя Машка опустошает прилавки канцелярских отделов, и вздохнула. Похоже, покупатели здесь не переведутся никогда. Вот и сейчас на часах полдень, а в зале полно народа. Около стеллажей с любовными романами клубились пожилые дамы, контингент помоложе толкался возле детективов, несколько женщин смотрели книги по воспитанию детей, стайка подростков, явно сбегавших с занятий, громко обсуждала достоинство гелевых ручек перед шариковыми.

Я спокойно обозрела торговые помещения. Магазин явно в свое время сделали из двух квартир, из двух огромных старомосковских апартаментов, столь характерных для домов постройки начала двадцатого века. Одна квартира была на первом этаже, другая на втором. Сейчас их соединяла довольно широкая лестница. Внизу помещались основные тор-

говые залы с книгами по домоводству, воспитанию детей, детективы, фантастика, отдел канцтоваров и открыток. Наверху расположились прилавки с учебниками и разнообразными пособиями, киоск с сувенирами, отдел лазерных дисков и компьютерных игр. Склад, бухгалтерия, комната отдыха сотрудников, раздевалка и туалеты находились в подвале. Кабинеты начальства, мой и Аллочкин, тоже были на втором этаже, их разделял небольшой предбанник, где стояли два кресла и круглый журнальный столик. Выходя из своих рабочих помещений, мы с Аллой попадали сразу в отдел компьютерных игрушек. Заместительница меня предупредила:

– Дашенька, если покидаете кабинет, не забывайте запирать его. Покупатели – народ вороватый, жуть. Увидят открытую комнату и сопрут все, что не прибито.

В магазин вел один, центральный, вход, оборудованный железными воротцами. Все книги стояли на стеллажах в открытом доступе, и на каждую нанесена защита. Любой человек, пожелавший утащить из магазина издание, мигом «завенит» на выходе. Там на этот случай стоят две продавщицы. Я посмотрела на хрупких девочек и вздохнула: нет, мне такое положение вещей не нравится. Сегодня же вечером переговорю с Леной. В магазине должна быть служба безопасности, если кто-то из посетителей начнет скандалить, мы с ним не справимся. Коллектив как на подбор состоит из одних женщин.

Впрочем, есть еще один вход. Люк, расположенный во

дворе. Около него паркуются машины, привозящие книги. Шофер нажимает на звонок, завскладом Лидочка открывает изнутри створки, и водитель начинает швырять на ленту транспортера довольно тяжелые пачки, некоторые состоят из десяти томов, а некоторые из четырнадцати. В подвале их подхватывают девушки и растаскивают на места. И это мне тоже не нравится, надо нанять грузчиков. Однако странный у Ленки подход к организации бизнеса. Неужели не понятно, что хрупким девочкам тяжело весь день ворочать каменно-тяжелые пачки? Представляю, как у них к концу рабочего дня ломит спину. Кстати, зарплата у сотрудников копеечная.

В подвал можно попасть и минуя ленту транспортера. Естественно, все желающие оказаться в бухгалтерии или заглянуть в туалет не бегут во двор и не прыгают в открытый люк. Из торгового зала в подсобные помещения ведет железная дверь, снабженная кодовым замком. Сотрудникам магазина цифры известны, а покупателям нет.

Сегодня с утра я самым тщательнейшим образом опросила всех подчиненных. Никто и слыхом не слыхивал о девушке по имени Дарья Ивановна Васильева. Честно говоря, я предположила, что она знакомая кого-то из продавщиц. Пришла в гости к подружке, а та ее впустила в раздевалку... Дальше этого момента мои мысли не шли. Кто, как и зачем запихнул несчастную в шкафчик, отчего ее убили? На эти темы я решила не размышлять. Но сейчас выяснилось, что погибшая никому не известна. Как же она попала в подвал?

– Небось покупательница, – предположила Света, – вон их сколько тут ходит!

– Воровка, – безапелляционно заявила курносая Лиля.

– Почему ты так думаешь? – спросила я.

– А вы гляньте, – принялась объяснять Лилечка, – дверь в подвал расположена между отделами. Справа книжечки по домоводству, слева фантастика. Народу уйма. Вот она дождалась удобного момента и шмыгнула внутрь.

– Зачем?

– Так ясно. В подвал хотела. Он огромный, на складе потеряться можно, девчонки наши аукаются, друг друга не видят. Книг она напереть задумала.

– Как же она выходит собиралась? Книги же с защитой!

Лиля улыбнулась.

– Нет, те, которые в подвале, пустые, без «магнитки». Ее наносят перед тем, как томики наверх подают. Она, дрянь такая, могла целую сумку напихать и выйти, ничего бы не зазвенело, потому что нечему звенеть!

– Интересная версия, – протянула я, – есть в ней только один изъян. Вход в подвал закрыт на кодовый замок, как она шифр узнала?

– Делов-то, – фыркнула Лиля, – легче легкого. Мы целый день сюда бегаем. Кому в туалет, кому кофе попить, кому в бухгалтерию, кассиры ходят, со склада книги на тележках вывозят, а пустые назад заталкивают.

– И что?

– Так каждый раз девчонки код набирают! Встала небось возле стеллажей по домоводству и подсмотрела. Там столько народа! А потом и шмыгнула внутрь, вход ведь никто не охраняет!

Я решила проверить ее предположение и устроилась возле того места, где покупателям предлагались книги по домоводству. Ждать долго не пришлось. Мимо пролетела девушка в красном форменном костюме. Наманикюренным пальчиком она потыкала в кнопки: 9 7 6. Вот как просто! Покачивая головой, я пошла наверх. Надо что-то придумать, иначе нечестный человек запросто прошмыгнет в подвал.

День потек своим чередом. Сначала мы с Аллочкой разбирались во всяких бумажках, потом моя заместительница пошла перекусить. Мне обедать не хотелось, и я решила спуститься в подвал, набрать себе побольше новых детективов. Как раз сегодня поступила обожаемая мной Полякова. Заодно посмотрю и раздевалку, кажется, там шкафчики без замков, и это мне тоже не по вкусу.

В темноватом помещении было пусто. Отчего-то мне стало страшно. Ругая себя за трусость, я оглядела железные шкафы, предназначенные для хранения одежды. В магазине весь обслуживающий персонал, кроме начальства, носит форменные костюмчики. Юбки и пиджаки темно-малинового цвета, на лацкане вышито золотой нитью «Офеня». Придя на работу, девочки переодеваются. Шкафчики состоят из трех отделений. Верхнее, самое маленькое, предназначе-

но для головных уборов, среднее, наиболее просторное, для пальто, костюмов и сумок, а нижнее, вернее, ящик на колесах, задвигающийся под шкафчик, служит для хранения уличной обуви.

Я изучила несколько пустых шкафчиков, отметила, что они и впрямь не запираются, потом выдвинула зачем-то один из ящиков. Он легко выкатился вперед, демонстрируя пустое нутро. Быстрым движением я попыталась задвинуть его, но что-то мешало. Подергав ручку туда-сюда, я выдвинула ящичек до упора и увидела сзади на полу нечто плоское. Рука сама собой схватила предмет. Кошелек! Нет, маленькая плоская сумочка. Внутри обнаружилась связка ключей, два из которых, украшенные плоским брелком сигнализации, явно были от автомобиля, двести долларов, около тысячи рублей сотенными бумажками, помада и крохотный носовой платочек.

Сунув находку в карман, я еще раз внимательно оглядела «гардероб». Это был тот самый шкафчик, где вчера нашли труп моей полной тезки. Я присела на корточки и поводила рукой по дну среднего отсека. Так и есть! Между задней стенкой и полом обнаружилась довольно широкая щель. Я пошла в кабинет, не замечая клубящейся вокруг многоголосой толпы. Значит, сумочка принадлежит погибшей девушке. Скорей всего дело обстояло так.

Убийца запихнул тело несчастной в железный шкаф. Естественно, в полный рост оно не вошло, и негодяю при-

шлось сложить бедняжку просто пополам. Очевидно, во внутреннем кармане пиджака девушки лежала эта сумочка. Она выпала и провалилась в щель. А ящик не был задвинут до конца, вот вещица и оказалась на полу.

Один раз я перерыла дома весь наш письменный стол в кабинете, разыскивая книжку по оплате электроэнергии. Со всем уж было решила, что потеряла ее, но тут ворвалась Маня, выдернула из пазов нижний ящик и показала квитанции, валяющиеся на полу под ним.

Надо же, как плохо подчиненные противного Витьки обыскивали помещение. А еще обзывает других постоянно действующим несчастьем! Лучше бы проследил за своими Шерлоками Холмсами, такую улику не заметили!

Хотя... Ничего особенного в ней нет. Просто ключи, губная помада... Вот ведь странно! Я повертела в руках серебристый тюбик Живанши, похожий на ракету, – дорогая фирма, вернее, одна из самых дорогих. Я сама пользуюсь такой и хорошо знаю ее цену – пятьдесят долларов. Выбросить такую сумму на косметику может себе позволить только обеспеченная дама. Помада – это ведь не весь макияж, нужны еще пудра, тональный крем, румяна, тушь, различные карандаши. Только весь набор останется в ванной, с собой женщина прихватит максимум губную помаду и пудреницу. И вот теперь вопрос: зачем даме, имеющей в сумочке эксклюзивную косметику и довольно большую сумму денег, тырить книжки со склада? Она запросто могла купить любую!

Деньги! Я еще раз пересчитала купюры. Долгие годы, проведенные в бедности, если не сказать в нищете, приучили меня с уважением относиться к всемирному эквиваленту. Может, несчастной только что выдали зарплату и она собиралась жить на эту сумму месяц. Так, ясно, сумочку надо отдать родственникам. Витьке она абсолютно ни к чему, никаких записных книжек или бумажек в ней нет. Решено: после работы поеду к бедняжке домой и отдам найденное мужу, если он, конечно, есть. Адрес я знаю. Вчера, когда Витька сообщил, что убитую зовут Дарья Ивановна Васильева, я не поверила, выхватила у него из рук паспорт и перелистала. На одной из страниц стоял штамп: «Волоколамское шоссе, дом 1, квартира 1».

Около девяти вечера я въехала во двор большого серого дома и припарковалась возле контейнеров с мусором. Первая квартира находилась у самого входа, я нажала на звонок.

– Ура, – раздалось с той стороны, – папка пришел!

Без всяких вопросов дверь распахнулась, на пороге возникла девочка с горлом, завязанным шарфом.

– А что ты принес больному, страдающему ребенку, – завела она, но потом, увидев, что у входа стоит вовсе не отец, ойкнула: – Вы к кому?

– Мама дома?

Девчонка повернулась, но крикнуть не успела, потому что из глубин квартиры появилась молодая полная женщина, вытирающая руки о фартук.

– Что-то ты рано, – говорила она, приближаясь ко мне, – котлеты не поджарились.

– Это не папа! – сообщил ребенок расстроенным голосом.

– Уже вижу, – ответила мать и спросила: – Ищете кого?

– Простите, – осторожно спросила я, – Дарья Ивановна Васильева вам кто?

– О боже, – закатила глаза тетка, – пять раз уже объясняла: никто! Не живет здесь такая! А вы не поверили и приехали! Ну что, милиции больше делать нечего!

– Я не из милиции...

– А откуда?

– Заведую книжным магазином...

Женщина две минуты послушала мои сбивчивые объяснения и решительно прервала их:

– Аня, иди в кровать.

– Ну мамочка, – заныла девица, сгорающая от любопытства, – почему?

– У тебя ангина, ступай, ступай, а то позвоню сейчас отцу на работу, и никаких подарков тебе не будет.

Тяжело вздохнув, дочь повиновалась.

– А ну идите сюда, – велела хозяйка, – на кухню. Вас как зовут?

– Даша.

– Очень приятно, Тоня.

Впихнув меня в тесное, заставленное шкафчиками пространство, Антонина попросила:

– Сделайте милость, расскажите поподробней, что это за идиотская история?

– А в милиции вам что сообщили?

Тоня сердито загремела чайником.

– Разве от ментов правды добьешься? Сначала один позвонил, потом другой, затем наша паспортистка из жэка. Знаете, очень неприятно выяснить, что на твоей законной жилплощади еще кто-то прописан.

Я попыталась связно изложить события, а потом предположила:

– Может, эта Дарья тут раньше жила?

– Это невозможно, – ответила Тоня, – этот дом – один из первых московских кооперативов, построили его в сорок восьмом году для сотрудников закрытого НИИ. Мой отец был директором предприятия.

– Что же вы получили квартиру на первом этаже? – невольно лягнула я.

– Так люди какие были, – всплеснула руками Антонина, – не то что нынешние начальники, норовят себе побольше откусить. Папа считал стыдным взять себе лучшее, вот почему мы на первом этаже оказались. Уж мама его пилила, пилила. Ну да это не интересно. Въехали родители сюда в сорок восьмом, меня еще и в помине не было. Поселились вчетвером: отец, мать и две бабушки – теща со свекровью.

Я вздохнула. Представляю, каково пришлось несчастному директору завода. Коктейль из двух престарелых родствен-

ниц, причем каждая небось считала себя самой больной, это будет похуже домашних крокодилов.

– Потом, – продолжала Тоня, – родилась моя сестра Нина, следом я. Никаких Васильевых тут в помине не существовало. Папа и мама были Рощины, одна бабушка, соответственно, тоже Рощина, другая Миловидова. Сестра, когда замуж вышла, стала Некрасовой, а я Каблуковой. Тут только мы были прописаны, никого другого. Жилплощадь никогда не меняли. Родители умерли, сестра к мужу перебралась, у них дом в пригороде. А тут нас трое осталось. Я, Анька и Сергей, мой муж. Представляете, как неприятно!

– А паспортистка что говорит?

– Так ничего, – завозмушалась Тоня, – она тут сорок лет работает, всех знает прям наизусть. Нормальная тетка, честная. Когда она позвонила, я на нее налетела с воплем, а та в рыдания кинулась.

Поняв, в чем ее обвиняют, несчастная паспортистка велела Тоне:

– Иди немедленно в домоуправление.

Разгневанная до предела Каблукова понеслась прямо в домашних тапках, благо бежать было недалеко, в соседнюю дверь.

Увидав красную от злости Тоню, паспортистка вновь залилась слезами и показала ей документы. В бумагах царил полнейший порядок, никакой Дарьи Ивановны Васильевой там и духа не было.

– Нет, ты смотри внимательно, – рыдала пожилая женщина, – мне глупые слухи в доме не нужны.

– Ладно, – поморщилась слегка успокоившаяся Тоня, – хватит сырость разводить.

ГЛАВА 4

В Ложкино я прибыла около одиннадцати и мигом кинулась звонить Витьке. Но у него дома трубку не снимали. Я набрала рабочий номер.

– Ремизов! – рявкнули из трубки.

– Витенька, – завела я, – этот труп, то есть женщина, ну Дарья Ивановна, она с фальшивой пропиской и...

– Откуда ты знаешь? – сердито прервал меня Витька.

– Ездил сегодня туда!

– Вот что, дорогуша, – взвизгнул он, – заруби себе на носу, я не Дегтярев!

– Знаю, – слегка растерявшись, ответила я, – вы совершенно непохожи. Александр Михайлович толстый, ты тощий, полковник лысый, а у тебя кудри.

– Главное наше отличие в другом, – перебил мои речи Ремизов. – Дегтяревым ты вертишь, как хочешь. Он с тобой ничего поделать не может, а со мной подобный номер не пройдет, ясненько?

– Но...

– Имей в виду, – несся дальше на струе злобы Витька, – я тебя к расследованию на пушечный выстрел не подпущу! От вас, мадам, одни неприятности!

– Но...

– И Женьку строго-настрого предупрежу, что тебе запре-

щено что-либо рассказывать, и Тане, знаю, знаю, ты ценка ей от Хуча подарила, и теперь наша секретарша за тебя горой. Все! Торгуй книгами! Хотя лучше бы ты просто сидела дома и читала детективы! Меньше неприятностей всем! Не успела на работу выйти, и готово – жмурика обнаружила!

– Витя...

– Отвяжись, – рявкнул Ремизов, – дел полно! Мне за зарплату работать надо, не то что некоторым, которые не знают, куда доллары девать, и от скуки везде лезут.

Он швырнул трубку. Я уставилась на телефон. Я совершенно не собиралась заниматься никакими расследованиями, просто хотела рассказать ему про сумочку. Но теперь, естественно, не скажу ни слова. Потом я почувствовала, как вся наполняюсь гневом. И этого человека я считала одним из своих друзей? Он приезжал к нам в Ложкино, и повариха Катя специально пекла ради такого случая кулебяку с капустой? А наши собаки бежали к Ремизову со всех лап, чтобы прижаться к дорогому гостю? Да что там собаки! Наши псы дружелюбны до идиотизма и оближут каждого, кто появится на пороге. Но даже кошки выбирались из укрытий и вспрыгивали к Витьке на колени... Даже Аркадий выходил из своего кабинета и угощал омерзительного Ремизова великолепным коньяком. А мой сын – это не собака и не кошка, он ни за что не высунется в коридор, если человек, пришедший в дом, ему неприятен.

Дойдя до точки кипения, я вновь ухватила телефон и на-

брала номер Витьки.

– Круглосуточная стоматологическая помощь, – ответила женщина.

Обозлившись еще больше, я потыкала пальцем в кнопки.

– Вы позвонили в квартиру Леоновых, – завел гнусавый голос, – к сожалению, сейчас никто не может...

Трясаясь от негодования, я предприняла третью попытку.

– Ремизов, – рявкнуло в ухо.

– Виктор Афанасьевич, – прошипела я, чувствуя, что горячая злоба плещется в горле, – многоуважаемый Виктор Афанасьевич...

– Даша, – устало сказал Витька, – завтра приеду к вам, и поговорим...

– Ну уж нет, Виктор Афанасьевич, – гаркнула я так, что стоящие на столе коньячные рюмки тоненько зазвенели, – я вас к себе более не приглашаю! Никогда!

– Даша...

– Знаете, в чем состоит ваше основное отличие от полковника? – прошипела я, прерывая гадкого парня на полуслове. – Дегтярев умный, а вы дурак! И никогда вам не раскрыть этого дела о трупе в шкафу!

Может, Витька и хотел что-то возразить, но я быстренько швырнула трубку. Потом, слегка успокоившись, подошла к окну и, отодвинув занавеску, стала смотреть, как под ярким светом фонаря крутится веселый рой снежинок. Вдруг в ногу что-то ткнулось. Я наклонилась и подняла мопса Хуча,

сопящего от восторга.

– Ну и растолстел ты, братец! А все потому, что ешь не два раза в день, как положено комнатной собачке, а шесть!

Хучик зевнул. У мопсов страшно умильные морды, черные, складчатые, с выпуклыми глазками. Выражение лица совершенно детское, при виде вазочки с печеньем Хучик начинает так облизываться, с таким несчастным видом стонать и так повизгивать, что вы не выдерживаете и моментально запикиваете ему в пасть куски восхитительно сдобного, жирного курабье, строго-настрого запрещенного для собак. Может, кто и сумеет удержаться от такого поступка, но в нашей семье подобных людей нет. Аркадий, регулярно возмущающийся: «Мать, прекрати подкармливать Хуча со стола», сам потихоньку угощает его сыром.

Зайка, гневно сдвигающая брови при виде того, как я протягиваю мопсу кусочек яблока, тайком подсовывает ему карамельку. Маруся, собирающаяся стать «собакологом» и посещающая кружок при Ветеринарной академии, Манюня, которая готова подраться со мной, объясняя, сколько калорий должен содержать собачий ужин, приносит Хучику пакетик чипсов. Результат налицо, вернее, на теле. Маленький Хуч весит, как мешок с картошкой, он намного тяжелей нашей пуделихи Черри и йоркширской терьерихи Жюли. Впрочем, до девяностокилограммового ротвейлера Снапа и тянущего на семьдесят мировых эквивалентов питбуля Банди ему еще далеко.

Я погладила нежную шелковую шерстку собачки. Мопс лениво зевнул и, положив голову мне на плечо, заснул. Я продолжала бездумно водить рукой по его широкой, приятно теплой спинке. Часы показывали полдвенадцатого, Хучик поступил абсолютно правильно, в это время уже пора отправляться на боковую. Но мне, к сожалению, придется выйти на улицу, чтобы загнать в гараж серебристый «Пежо-206». Честно говоря, делать это было безумно лень. Ноги просто не шли во двор.

Там бушевал настоящий буран. Из теплой, уютной гостиной, где на столе заманчиво пахли свежие булочки с корицей, вдохновенно выпеченные Катериной, где на диване около пледа лежал новехонький детективчик Поляковой, из этого райского уголка требовалось выйти в январскую пургу. Может, ну ее к черту, эту машину? Что случится с «Пежо», если он один разочек переночует во дворе, без крыши? У нас закрытая, тщательно охраняемая территория, ни одному автомобильному вору не придет в голову начать тут охоту, когда сотни других железных коней преспокойненько «спят» у подъездов и на улицах...

Машина!!! Я разжала руки, Хуч шлепнулся на диван и, обиженно сопя, полез под плед. Всем своим видом он говорил: «Ты чего, хозяйка? Хорошо, что диванчик у окна стоит и я шлепнулся в мягкие подушки!»

Но мне было не до обиженной собачки. Машина! Убитая девушка была при автомобиле. То-то я удивилась, когда уви-

дела на ней легонький пиджачок, совершенно не подходящий для нынешней не по-московски суровой зимы. Но если дама за рулем, подобный наряд вполне оправдан. Я сама никогда не надеваю ни шубу, ни дубленку, в тяжелой одежде неудобно крутить баранку, к тому же в машине, как правило, работает печка.

Схватив с вешалки куртку, я ринулась во двор. Ну надо же быть такой душой! Ведь в сумочке убитой лежали ключи. Интересно, как скоро Витька Ремизов додумается до того, что погибшая была на колесах? Мне надо опередить его, я должна бежать впереди противного мента на несколько шагов.

Конечно, я обещала Дегтяреву, что больше никогда не полезу в расследование, но Александр Михайлович в Таиланде, небось вкушает сейчас экзотические фрукты, а Ремизову ни за что не раскопать этого дела. Он самовлюбленный идиот, а подобного сорта люди всегда терпят неудачу. И потом, несчастная погибла в моем магазине, да и звали ее, как меня, получается, что я тут совсем даже не посторонняя.

Представляю себе, как «обрадуется» Александр Михайлович. Вернется из отпуска, загорелый, отдохнувший, а тут, бац, сюрприз, в отделе еще один «глухарь». Отвратительный Ремизов на корню загубит все расследование, а профессионалы хорошо знают: если преступление не раскрыто по горячим следам, то шансы разобраться в деле тают с каждым днем. Я просто обязана помочь Дегтяреву. Ну выручал же

он меня из всяких неприятностей, а долг платежом красен. Вот прикатит полковник домой, ужаснется тем дровам, которые наломал Витька, и тут я с достоинством сообщу: «Не расстраивайтесь, милый! Эту даму убил господин N!»

Пока в головке крутились эти мысли, ноги нажимали на педали, а «Пежо» послушно несся вперед. Ночью не езда, а удовольствие, машин мало, пробок никаких, и нет пешеходов, безголовых людей, опроретью выскакивающих на проезжую часть из-за автобуса или троллейбуса.

Меня всегда поражают матери с детьми, несущиеся наперерез идущему транспорту. Чего больше в их действиях? Наглого эгоизма? Уверенности, что водитель обязательно затормозит? Но ведь машина не может мигом замереть как вкопанная. Я, например, становясь пешеходом, веду себя крайне осторожно. Честно говоря, меня пугает простая мысль: а вдруг за рулем сидит какая-нибудь Даша Васильева, способная при экстремальном торможении перепутать педали?

Подрулив к книжному магазину, я вытащила ключи, нажала на брелок сигнализации и с радостью увидела, как оранжевые «Жигули» мигнули фарами. Так, отлично! Тупоголовый Витька не додумался до того, что несчастная прибыла к месту своей гибели в кабриолете. Дрожащими от возбуждения руками я принялась тыкать ключом в замок. Я обязана помочь Дегтяреву. Дверь послушно распахнулась, изнутри пахло чужими, чересчур сладкими духами, я ныр-

нула в салон и, распахивая бардачок, пробормотала:

– Ну, Дашутка, хоть сама себе не ври, ты просто обожаешь заниматься расследованиями.

Внутри темного углубления нашлась масса вещей, которые обычно таскают с собой автомобилисты, – атлас, полупустая бутылка с кока-колой, упаковка бумажных носовых платков, две пятидесятирублевые купюры, явно приготовленные для взяток ментам, непонятная изогнутая железная трубочка и здоровенный магнит. Документов никаких.

Но я не унывала. Быстро отогнула солнцезащитный экран, установленный над ветровым стеклом, и сунула пальцы в небольшой кармашек. Вот они! Техпаспорт и права. Последние были выданы на имя Леоны Сергеевны Романцевой, 1976 года рождения, а с фотокарточки смотрела на меня довольно круглощекая блондинка с сердито сжатыми губами. Надо же, при чем тут Даша Васильева? Хотя, может, несчастная просто взяла машину у подруги? Доверенности, правда, в документах нет, но это ни о чем не говорит. Кое-кто сейчас преспокойненько колесит по дорогам вообще без прав и техпаспорта. Вполне вероятно, что у этой Васильевой есть собственный транспорт, водить-то она умеет. Небось сломался автомобиль, вот и попросила у подруги «Жигули».

Я не люблю никому давать свой «Пежо», но некоторые совершенно спокойно доверяют руль знакомым. К техпаспорту была прикреплена сложенная вчетверо бумажка. Я осторожно развернула ее и чуть не заорала от радости. Полис! Леона

Романцева невесть зачем таскала с собой бумажку, подтверждающую факт страхования машины в компании «Росно». В первой графе указывались имя, отчество и фамилия дамы, а во второй – ее домашний адрес: улица Курникова, дом 12, квартира 2.

Очень довольная собой, я положила документы на место, вылезла на улицу и упала. Ветер принял штормовой характер, и сильный порыв сбил меня с ног. Кое-как поднявшись, я доковыляла до «Пежо», распахнула дверцу, но тут ветер налетел еще раз, и я опять оказалась на асфальте. Почти ползком я добралась до водительского места и с ужасом уставилась в окно. На улице бушевал ураган. Деревья раскачивались, как сумасшедшие, по тротуару, словно скомканную бумажку, несло железную, тяжелую урну. Вспомнив, что «Пежо» припаркован у тополя, я быстренько завела мотор и, чувствуя, как машину сносит вбок, загнала ее в подворотню между книжным магазином и булочной. Сделала я это очень вовремя. Не успел «Пежо» устроиться в относительно «тихом» «гараже», как раздались сначала оглушительный треск, потом шум и звук «бум», сопровождающийся звоном бьющегося стекла. Большой тополь, под которым только что стоял «Пежо», рухнул на мостовую, задев верхушкой оранжевые «Жигули» Леоны Романцевой. Вмиг завывала сигнализация, а ветровое стекло рассыпалось мелким крошевом. Я похолодела. Тяжелый толстый ствол дерева скорей всего проломил бы крышу «Пежо»...

Представляю, как вознегодовал бы Витька, обнаружив еще один труп примерно на том же месте, что и вчера. Не успела я испугаться окончательно, как зазвонил мобильный.

– Мусечка, – вопила Маня, – ты где?

– Стою в подворотне, боюсь двигаться, не волнуйся, со мной все в порядке, как у вас? В Москве ураган.

– Тут жуть, – верещала Маня, – представляешь...

Дочь не успела договорить. Из трубки донесся сначала грохот, затем звон, потом дикий лай животных, визг и далекий крик Зайки:

– Блин, спасайте кошек!

– Что? Что случилось? – нервничала я, но в ухо уже неслись частые гудки.

Трясущимися пальцами я набрала номер Машкиного мобильного, но девочка не снимала трубку. Аркашкин сотовый отвечал мелодичным женским голосом:

– Абонент отключен или временно недоступен.

Вне зоны связи оказался и аппарат Ольги. Не зная, что и думать, я попыталась дозвониться на стационарный номер, но он был занят. Выехать из подворотни я не могла, ветер несся по улицам с жуткой силой. Около часа мне пришлось провести в безумной тревоге, пытаясь соединиться хоть с кем-нибудь из домашних, но тщетно. Представляете теперь, в каком настроении я ехала домой?

В домике охранника ярко горел свет. Обычно после полуночи наши секьюрити выключают лампы, только синий

луч от работающего телевизора пробивается наружу. По инструкции парням нельзя спать, и они коротают время у экрана.

Не успела я щелкнуть брелком, открывающим автоматические ворота, как дверца домика распахнулась и вылетела Маня.

– Мусечка, – заорала она, – стой! Мы тут, все!

– Что случилось? – прошептала я. – Что?

– Жуткий ужас, – чистила Машка, впихивая меня в помещение к охранникам.

– Дай я расскажу, – кинулась Зайка.

– Нет я, – затопала ногами Маня, – налетел дикий ветер...

– Сначала дождь, – уточнила Ольга.

– Нет, буран, – уперлась Машка.

– Дождь!

– Ветер!

– Дождь!

Пока они спорили, я обежала глазами не слишком просторное помещение и слегка успокоилась. У окна в кресле мирно сидел, как всегда, спокойный Аркадий, у него на коленях спали Хучик и Жюли. Банди со Снапом расположились возле охранника Володи, преданно поглядывая в тарелочку с печеньем, стоящую перед парнем. Кошки дрыхли на диванчике, а на подоконнике стояли аквариум с жабой Эльвирой и домик, где с упоением грызло морковку семейство хомяков. Ирка и Катерина жались у противоположной сте-

ны. Слава богу, все целы и здоровы, значит, можно спокойно слушать рассказ о происшествии.

– Тут как бабахнет, – верещала Маня.

– Как ухнет, – вторила Зайка.

– Свет погас, прям жуть!

– Завыло вокруг, зазвенело!

– Ну, думаю, конец пришел, – вела свою партию Машка, – схватила зверей – и на улицу.

– А я решила, что это землетрясение, – дрожала Ольга.

– Ага, – хмыкнул Аркадий, – поэтому сунула под мышку самое ценное – сценарий завтрашнего эфира – и улетела, хоть бы о муже подумала!

Через полчаса из сбивчивых восклицаний и реплик моих близких сложилась картина происшедшего. Ураган, напавший на Москву, притормозил по дороге и разгромил Ложкино. Для начала оборвал провода, и поселок погрузился в темноту. Свет остался только у охранников, в их домике есть аварийное питание, от аккумуляторов. А раз нет электричества, то нет и горячей воды, насос-то работает «от розетки», значит, нет и отопления, да и холодная водичка течет из трубы еле-еле, тонюсенькой струйкой.

Но это еще ничего! Самую неприятную новость домашние приберегли под конец. Сильный порыв ветра сломал старое, трухлявое дерево, которое всей своей тяжестью рухнуло на наш несчастный дом. Раскидистые ветви выбили все стекла на первом и втором этажах с левой стороны здания, а

с правой, из-за того что резкий порыв ветра ворвался в дом, окошки разбились через пару секунд. И теперь наш коттедж, без тепла и света, совершенно не пригоден для проживания.

– Мы взяли все самое ценное, – вываливала информацию Маня, – самое дорогое и прибежали сюда.

Подавив усмешку, я оглядела «беженцев». Ну-ка, что они считают самым дорогим? Так, собаки, кошки, хомяки, жаба... Зайка держит под мышкой сценарий своей завтрашней передачи. Манюня нежно обнимает доклад «Паразиты у собак». Она писала его две недели и теперь не захотела оставить. Ну, с девочками ясно, а что прихватил Кешка? Я переместила глаза вбок и заметила в кресле возле сына папку, разбухшую от бумаг. Понятненько, наш адвокат, естественно, не оставил работу. Никому и в голову не пришло взять деньги, документы или ключи от сейфа. Ирка с Катериной тоже хороши. Домработница приволокла невесть зачем пылесос, а повариха «Книгу о вкусной и здоровой пище». Хотя, если хозяева идиоты, то и прислуга им под стать.

ГЛАВА 5

Остаток ночи мы провели в условиях, приближенных к походным. Аркашка ушел спать в джип, позвав с собой Банди.

– Завалюсь пледами, – сообщил он, зевая, – и отлично высплюсь, наконец-то мне не будет мешать Зайкин храп.

– Господи, – выкрикивала нервно Ольга, – хорошо, что близнецы у моей мамы в Киеве! Представляю, как бы дети препирались!

– Я пойду с тобой, – заявила Машка, глядя, как Аркадий направляется к выходу.

– Ну уж нет, – испугался брат.

Так что нам всем пришлось скоротать ночку в домике охранников, на узком диванчике и в неудобных креслах.

Утром со всей остротой стал вопрос: что делать? По территории поселка уже разъезжали аварийные машины и шныряли рабочие в комбинезонах. Кто-то должен остаться дома, чтобы проследить за стекольщиками.

– Только не я, – вскрикнула Зайка, – ой, мне пора, опаздываю на эфир!

– Но мне нужно в магазин, – возмутилась я.

– А мне в школу, – подхватила Маня.

– Может, Аркашка посидит? – робко предположила я.

– Он еще в семь утра укатил, – вздохнула Ирка и, глядя на

мое вытянувшееся лицо, добавила: – Да уезжайте спокойно, Дарья Ивановна, мы с Катей за всеми присмотрим, даже хорошо, что вас никого не будет, шуму меньше.

– А животные?

– У охранников перекантуются.

Обрадованная, что ситуация разрешилась так просто, я мигом унеслась прочь, а то еще, не дай бог, передумают.

Аллочка долго ахала, узнав о том, какие неприятности принесла нам прошедшая ночь. Часов в двенадцать я сказала:

– Пойду, пожалуй, перекушу.

– Кофейку сделать? – предложила Алла.

– Хочется чего-нибудь этакого... Съезжу в «Макдоналдс».

– Давай, давай, – согласилась заместительница, – я бы на твоём месте закрыла потом кабинет и прилегла на диванчике, небось глаз сегодня не сомкнула.

Я поблагодарила ее за предложение и ушла. Есть мне совершенно не хотелось, отдыхать тоже. Из магазина меня гнало совсем иное чувство, охотничий азарт. Я мечтала поболтать с Леоной Сергеевной Романцевой и узнать от нее, где живет Васильева.

Улица Курникова идет перпендикулярно Мясницкой. Вся длинная, узкая, изломанная, застроенная невысокими домами еще в начале века. Когда «Пежо» притормозил возле двухэтажного серого здания, мне в голову пришла вполне

здравая мысль. Стрелки часов едва перевалили за половину первого. Небось Романцева находится на работе или сидит в аудитории, старательно записывая речи преподавателя.

Но я ошиблась. Леона Сергеевна Романцева оказалась на месте. И при взгляде на женщину, открывшую без лишних вопросов мне дверь, сразу стало понятно, почему. Из-под цветастого халатика выпирал большой, тугой живот. Леона явно дохаживала последние дни беременности.

– Вам кого? – тихо поинтересовалась хозяйка.

– Вы Леона Сергеевна?

Она кивнула.

– Оранжевые «Жигули» 266 НК ваши?

– Да. Что случилось? – напряглась Романцева.

Я вспомнила выбитое ветровое стекло и быстро сказала:

– Понимаете, я являюсь директором книжного магазина «Офеня». Кстати, у нас много книг для молодых мам, просто огромный выбор.

– Не понимаю, – пробормотала Леона, – вы разносите литературу по домам?

– Да нет, – отмахнулась я, – про издания просто к слову пришлось. Вчера ночью в Москве приключился ураган, знаете?

Леона вздохнула:

– Жуть просто, думала, все стекла выбьет, а во дворе дерево упало.

– Вот-вот, – обрадовалась я, – перед магазином «Офеня»

тоже рухнул массивный тополь. Падая, он выбил веткой ветровое стекло у ваших «Жигулей». Милиция хотела отбуксировать их на стоянку, но я не дала, нашла техпаспорт, а там страховой полис...

– «Офеня»? – удивилась Леона и посторонилась: – Входите.

Я прошла на громадную, бедно обставленную кухню.

– Где находится ваш магазин? – спросила хозяйка, включая газ.

– Не очень далеко, в центре, на Федосеева.

– И моя машина стояла там ночью?

– Да.

– Вот дрянь! – с чувством произнесла Леона, – так мы не договаривались.

– С кем? С Дарьей Ивановной Васильевой?

– Это кто такая? – изумилась хозяйка.

– Разве вы не ей давали «Жигули»?

– Знать не знаю такую, – пожала плечами Леона.

– А как же ваша машина оказалась на Федосеева? – спросила я. – Вряд ли вы водите ее сейчас сами.

– Естественно, нет, – вздохнула Леона, – я ею зарабатывала.

– Это как?

– Просто, – пустилась в объяснения Романцева, – мне, честно говоря, здорово не подфартило, муж погиб три месяца назад, осталась одна, видите какая. Денег ни копейки.

Я внимательно слушала Леону. Ей и впрямь не повезло, если можно употребить этот глагол, вспоминая о кончине мужа. Вот Леона и придумала, как получить небольшой доход. Она сдает «Жигули» в аренду на два-три дня людям, у которых сломалась собственная машина. Леона при этом ставит только два условия. Никаких пачкающих вещей, типа строительных материалов на сиденьях и в багажнике не перевозить, а на ночь ставить «Жигули» в укромное место, не оставлять их на оживленной магистрали. И вот, пожалуйста, очередной клиент бросил машину на Федосеева.

– Кому вы дали «Жигули»? – быстро поинтересовалась я.

– Лева Яшин попросил для какой-то своей подруги, – пояснила Леона, – деньги, как положено, вперед за неделю дал.

– А как подругу зовут?

Леона пожала плечами.

– И вы так спокойно доверяете автомобиль кому попало?

– Почему кому попало? – возмутилась девушка. – Лева поручился, сказал, нормальная баба, ответственная.

– Доверенность не оформляли?

Романцева засмеялась.

– Нет, у меня машину надолго не берут, максимум дней на десять.

– И не боитесь?

– Чего?

– Вдруг разобьют или угонят?

Леона покачала головой:

– Не-а. У меня муж очень аккуратный был, застраховал «жигуленок» по полной программе: от ущерба, угона, плюс гражданская ответственность. Ежели какой казус, мне денежки выплатят.

– Дайте, пожалуйста, телефон Яшина.

– Зачем? – насторожилась Леона.

– Видите ли, – соврала я, не желая пугать беременную сообщением об убийстве, – девушку, которая вчера прикатила на вашей машине, забрали в милицию.

– Да ну! – воскликнула Леона. – За что?

– Она хотела обокрасть наш магазин!

– Вот люди, – возмутилась хозяйка и схватила телефон: – Левка, иди сюда.

Через секунду раздался звонок, и в кухне появился тучный парень лет тридцати. Выглядел он чудовищно. Огромный живот, колышущийся над спортивными штанами, толстые руки и сверх всякой меры жирные ноги. Из-за того что его бедра напоминали туго набитые подушки, несчастный двигался враскорячку. Так ходит ребенок, которому мать надела слишком большой памперс.

– Ну, что случилось? – неожиданно тонким голосом поинтересовался он. – Опять, что ли, крыса из трубы вылезла?

– Сам ты крыса! – взвилась Леона. – Говори быстро, кому дал мою машину?

– Наде Колпаковой, – растерянно ответил толстяк.

– Не Дарье Васильевой? – влезла я.

– Нет, такую не знаю, – гундосила гора жира.

– А Надька твоя шалава. – Леона чуть ли не с кулаками налетела на соседа. – Вот дрянь, воровка. Машину мою на оживленной магистрали бросила. Да еще книги в магазине стырила, вот, директриса пришла.

Лева уставился на меня маленькими глазками, утонувшими в жирных щеках.

– Кто, Надя?

– Да! – выкрикивала Леона. – Ведь ты говорил, будто она приличная, мне неприятности не нужны!

– Кто, Надя? – тупо ворочал мозгами Лева. – Надя книги стащила?

– Да!

– Не может быть!

– Очень даже запросто, – злилась беременная. – Ну и в историю ты меня впутал!

– Не может быть, – тупо повторял Яшин.

Я с интересом наблюдала за тем, какие муки доставляет парню мыслительный процесс. Надо узнать у моей подруги, хирурга Оксанки, когда человек толстеет, его мозги и впрямь заплывают жиром или это просто образное выражение?

– Не может быть! – бубнил Лева.

– Почему? – Я решила подстегнуть умственную деятельность жиртреста.

– Надька великолепно зарабатывает, она в антикварном салоне служит, – пустился в объяснения Лева, – такие баб-

ки загребают, экспертизу осуществляют. Ну, настоящая мебель старинная, крепостными мастерами сделанная, или современная работа... За каким ершом ей книги тырить? У нее такая библиотека!

– Адрес ее знаете?

– Конечно!

– Говорите, – приказала я.

– Харитоньевский переулок, тут за углом.

Я глянула на часы. Харитоньевский и впрямь в двух, даже в одном шаге.

Усевшись в машину, я позвонила Аллочке.

– «Офеня» слушает, – пропела та.

– У нас все в порядке?

– В полном, – заверила Алла, – процесс товарооборота идет вовсю, трупов больше не обнаружено. Отдыхай спокойно.

– Приеду через час, ничего, если задержусь?

– Ты же начальник, – хихикнула заместительница, – не простой продавец, а у директора всегда имеются важные дела, в мэрии, например.

Я улыбнулась и поехала в Харитоньевский переулок. Симпатичная тетка, эта Алла, вот приведем коттедж в порядок и позову ее в гости.

Нужный дом опять оказался не современной постройки: трехэтажный, узкий, серый, с огромными лестничными пролетами и чугунными перилами, опирающимися на ажурные

железные прутья. Двери квартир тут были двухстворчатыми, невероятной высоты и ширины, на каждом этаже располагались только одни апартаменты. Скорей всего они многокомнатные, потому что косяк квартиры с номером один был укреплен целым рядом табличек «Федоровы», «Поповы», «Лесиные»...

Коммуналка, коридорная система, абсолютно уникальная, чисто российская примочка.

В Париже вы не найдете даже двух семей, делящих одну жилплощадь. Впрочем, это неверно. В столице Франции тоже существуют коммуналки, только их там называют «коммунами». Объединяются несколько студентов и снимают квартиру. Арендную плату раскладывают на всех и живут в свое удовольствие: дешево и весело. В молодости даже приятно не спать до утра, а всякие мелочи, типа занятой соседом не вовремя ванной, совсем не тяготят. Впрочем, существуют и семейные общежития. Чаще всего там обитают хиппи или люди, объединенные религией, – буддисты, кришнаиты.

От московских коммуналок эти поселения отличает только одна, зато глобально принципиальная, вещь. Семьи никто не селил вместе насильно. Они сами решили вести совместное хозяйство и в любой момент могут, собрав вещи, детей и домашних животных, съехать в другое место. Поэтому в коммунах редко возникают ссоры на бытовой почве. Там не ругаются, кому мыть туалет или коридор, не подсыпают друг другу соль в суп и не обижают чужих детей. Там кипят стра-

сти по иным поводам. Ну, к примеру, кто главнее, Будда или Христос? Стоит ли употреблять наркотики, и как избавиться от СПИДа.

В парижской коммуне жить забавно, в московской коммуналке жутко. И чаще всего люди, понимая, что от ненавистных соседей никогда не избавиться, пускаются во все тяжкие, портя жизнь окружающим. Каких только «приколов» не рассказывали мне в свое время подружки, вынужденные делить кухню с другими бабами! Поверьте мне, вынутая из западни и засунутая в сахарницу к соседям мышь не самая омерзительная затея. Впрочем, справедливости ради, следует отметить, что в некоторых коммуналках устанавливаются семейные отношения, но это скорей редкое исключение.

Значит, Надя Колпакова тоже из несчастных, вынужденных мыть места общественного пользования по графику. Я добралась до второй квартиры и вздохнула. Нет, Колпакова живет одна.

Створки были обиты элегантной темно-вишневой кожей, а ручка осталась бронзовая, явно старинная, очень подходящая по стилю к чугунным перилам и ажурным прутьям.

На звонок никто не отвечал. Все ясно, Надежда на работе.

Я вздохнула и, сев на подоконник, принялась рыться в сумочке, разыскивая сигареты. Удивительное дело, какого бы размера ни купила я ридикюль, вещи мигом пропадают в нем, как в черной дыре. Звонящий телефон ищу бесконечно, а когда наконец его вытаскиваю, он, как правило, уже

молчит. Теперь, пожалуйста, куда-то подевались «Голуаз». Курить хотелось смертельно, чтобы ускорить процесс поисков, я вытряхнула содержимое сумки на широкий подоконник и увидела связку ключей погибшей. На колечке болтались длинная узкая палочка с зазубринками и толстый «английский» ключик. Имелся и брелок, большая цифра 2.

Неожиданно в моем мозгу что-то щелкнуло, я сгребла вещи в сумочку, подошла к двери и ткнула палочкой со штырьками в небольшое круглое отверстие. Через пару секунд она открылась, и я вошла в темноватое помещение.

Пахло тут, как в оранжевых «Жигулях», сладкими духами, явно дорогими, но мне незнакомыми. Я осторожно нажала на выключатель, под потолком вспыхнула большая старинная люстра с колпачками из синего стекла. Мрачно, но стильно. Так же необычна, но очень элегантно оказалась и вся обстановка.

Вопреки ожиданиям тут было только три комнаты, правда, большие, просторные, в каждой имелось по два окна. Уже через десять минут стало ясно: Надя Колпакова обитает одна. В ванной, в стаканчике тосковала единственная щетка, на крючке висел розовый махровый халатик, а полочка под зеркалом была забита исключительно косметикой. Никаких лосьонов после бритья и мужских дезодорантов, никаких детских вещей и игрушек.

На огромной кухне в шкафчике стояли крохотные, почти кукольные кастрюльки, и я окончательно убедилась: Надя

живет, вернее, жила одна. Имеющая семью женщина купит себе под суп трехлитровую «тару».

Я была почти уверена: это Надежду нашли в железном шкафчике. Не знаю, откуда у меня появилось это ощущение, но оно превратилось в уверенность, когда в спальне, на тумбочке возле шикарной кровати из красного дерева, я обнаружила пакет с фотографиями, явно недавно принесенными из «Кодака».

На первом снимке улыбалась миловидная блондинка с голубыми глазами. И это была та самая несчастная, найденная в неестественной позе в раздевалке книжного магазина. Я не видела лица убитой, но хорошо запомнила одежду: ярко-зеленый пиджачок и брючки цвета солдатской гимнастерки. Приветливо смотрящая в объектив девушка была одета именно таким образом.

Я села на кровать и уставилась на фото. Вот оно как! Погибшую звали Надя Колпакова. А при чем тут паспорт на имя Дарьи Ивановны Васильевой?

Не успела я поразмышлять на эту тему, как раздался резкий звонок. На тумбочке подпрыгивал телефон. Совершенно забыв, что нахожусь в чужом доме, я моментально схватила трубку.

– Алло.

– Надька, – затарахтел высокий голос, – ну ты, блин, даешь, заболела, что ли?

– Да, – на всякий случай осторожно сказала я, – просту-

дилась!

– Эй, Надька, это ты? – настороженно спросило сопрано. –
Что у тебя с голосом?

Я быстро зажала пальцами нос и прогундосила:

– Что, что, насморк, а это кто?

– Я, не узнала?

– Нет.

– Ну ты даешь!

– Извини, только мне уши заложило от простуды, кто это?

– Дина.

– А-а-а, – протянула я, – привет, как дела?

– Совсем обалдела, – проревела собеседница, – я жду тебя с самого утра! Если передумала нам деньги давать, так и скажи, нечего из меня кретинку делать!

– Да нет, поделюсь с удовольствием. – Я решила не упускать возможности познакомиться с подругой Нади. – Извини, заболела, вот и не пришла.

– Ничего, – явно повеселела Дина, – главное, что дашь!

– Сколько?

Повисло молчание, потом собеседница осторожно спросила:

– Тебе совсем плохо?

– Ну, понимаешь, обпилась вчера всякой гадостью, чтобы температуру сбить.

– Тысячу обещала.

– Долларов?

– Рублей! – заорала Дина. – Мы не ты, нам и сто рублей деньги.

– Хорошо, хорошо, – забубнила я в нос, – привезу, не переживай.

– Ты ко мне приедешь или я к тебе?

– Давай на нейтральной территории.

– Где?

– Ну... «Макдоналдс» на Тверской знаешь?

– Нет, ты точно сошла с ума! Что вчера принимала? Не ЛСД, часом?

– Ладно, не хочешь там, давай рядом. В кафе «Ли́ра», чуть подальше пройдешь за «Макдоналдс» и увидишь дверь.

– Во сколько?

– В полдевятого вечера.

– Пользуешься тем, что нам деньги нужны, и выеживаешься, – вздохнула Дина и отсоединилась.

Я заперла дверь и поехала на работу.

ГЛАВА 6

Возле железных воротец, у входа, рядом с девочками, призванными хватать за руки наглых воров, сидел питбуль, настоящий красавец, причем хитрец устроился не на полу, а на небольшой скамеечке. Пес был страшно похож на Банди, я перевела глаза на дверь и увидела большое объявление, набранное на компьютере: «Внимание! Магазин охраняют специально обученные собаки. Нормальным посетителям они машут хвостом и улыбаются, а воров мигом задерживают». Удивившись до крайности, я опять посмотрела на гордо сидящую собаку и в ту же минуту поняла, что это... Банди.

– Мальчик мой! Как ты сюда попал?

Бандюша заскулил и забил длинным, тонким хвостом, но со скамеечки не слез и не бросился опростеть к хозяйке. Всем своим видом пит показывал: извини, дорогая, я на службе.

– Откуда он взялся, девочки?

– Ой, Дарья Ивановна, – затарахтела вынырнувшая из-за стеллажей Света, – дочка ваша приехала, вместе с братом и собаками. Такой красавец!

– Кто? – совсем растерялась я. – Банди?

– Нет, – засмузилась Света, – сын ваш! Один рост чего стоит.

Потом она секунду помолчала и спросила:

– Он женат?

– Да, – разозлилась я, – давно и прочно, более того, имеет двоих детей.

– А я чего? Я ничего! – забубнила Света. – Просто полюбопытствовала! У меня парень есть. Вот Лилька, та да, она у нас одинокая, так прямо с ног сбилась, бросилась их в буфетной чаем поить.

Разозлившись и не понимая, отчего милые родственнички вместе с животными обрушились на мою голову, я пошла их искать и нашла в своем кабинете. Впрочем, кроме Кеши и Мани, там была еще Аллочка и несколько продавщиц.

– Что тут происходит? – грозно спросила я.

– Ой, Дашенька, – подпрыгнула Алла, – смотри, какой миленький, какой сладенький.

Я посмотрела на Хуча, мирно сопящего у нее на руках. Глаза мопса блаженно щурились, а вся мордочка была обсыпана крошками. Похоже, Хучика на славу угостили печеньем.

– А мне больше эта нравится, – проворковала Лиля, прижимая к себе Жюли, – такая прикольная, лохматенькая, ну чисто плюшевая игрушка.

– Нет, – пробормотала вбежавшая за мной Света, – кошки лучше всех, дайте вон ту белую, в отдел стащу. Помещу на подоконнике, где книги про животных, живая реклама!

– Жюли лучше, – улыбалась Лиля, глядя на Кешу.

До меня наконец дошло, что больше всех из домашних

животных продавщице понравился мой сын, и я рывкнула в гнев:

– Кто разрешил бросить рабочие места, ну-ка, живо в зал!

Девчонки упорхнули. Алла, не отпуская Хуча, пробормотала:

– Я ему хочу свой кабинетик показать. – И быстро, чтобы не услышать ничего в ответ, юркнула за дверь.

– Может быть, вы мне теперь объясните, что здесь происходит, – вздохнула я и села в кресло.

– Мать, не сердись, – поднял руки Аркадий, – это Манька придумала, я только шоферил!

– Что же ты меня не остановил, – кинулась в бой дочь, – почему не запретил, а?

– Тебя остановишь, – усмехнулся Кеша, – толще меня стала, животом задавишь!

Понимая, что они сейчас начнут ругаться, я хлопнула ладонью по столу:

– Хватит!

– Ладно, ладно, – испугались дети, не ожидавшие от матери подобного жеста.

– Честно говоря, идея не так уж и плоха, – начал Кеша.

– Просто великолепна! – выкрикнула Маня.

Перебивая друг друга, они изложили суть, которая оказалась проста, как веник.

В нашем доме целую неделю нельзя будет жить. Придется еще менять и батареи. Система отопления замерзла. Куда

всем деваться? В гостиницу? Туда не пустят с таким количеством животных. Впрочем, администрация «Президент-отеля» могла бы закрыть глаза и не заметить пребывания крохотной Жюли в своих стенах, но целую стаю собак, из которых две питбуль и ротвейлер, не пропустят ни за какие деньги. Кстати, у нас еще хомяки, жаба и крыса Фима-четвертая. Снять квартиру? На неделю никто не сдаст. Уехать к знакомым? Тут тоже не пришли к консенсусу. У Оксаны крошечная двушка, нам там не разместиться, у Маши Трубиной аллергия на шерсть. У Оли Тельковской очень хорошо. Там большая квартира и все любят животных, но у Тельковских ремонт. Одним словом, положение оказалось безвыходным. Отдать собак и кошек на передержку никто не хотел. Их там разлучат, посадят в клетки...

В самый разгар спора Ольге позвонили с работы и сказали, что она завтра отправляется в Петербург, в командировку, на десять дней.

– Отлично, – возликовал Кеша, – едем вместе, у меня как раз на это время никаких процессов не назначено!

И тут Маня в пылу вдохновения предложила:

– Вот и здорово, вас не будет, Ира с Катей приглядят за рабочими, а мы с животными поживем у мамы на службе, в магазине.

Я разинула рот:

– Тут?

– Конечно, – подпрыгивала Манька, – смотри, какая боль-

шая комната, два дивана, письменный стол. Рядом туалет с
рукомойником, а внизу кухня. Ну супер! Буду ночью ходить
по магазину и книжки читать!

– Ей-богу, мать, – бубнил Кеша, – совсем не такая дурная
идея. Всего-то недельку, максимум десять дней!

– Но животные!

– Ой, мусечка, – верещала Маня, – Банди станет сидеть
у входа в магазин, Снап «на часах» у дверей подвала, Ху-
чик небось у Аллы Сергеевны останется. Видала, как он ей
понравился? Фифину возле книжек положат, ну а Клепа,
Черри, хомяки и Фима с Эльвирой тут тихонечко посидят.
Очень здорово выходит, прямо суперски. Я уже объявление
на компьютере сделала и на дверь прилепила!

С Марусей трудно спорить, честно говоря, это практиче-
ски невозможно. Желая добиться своего, она просто давит
собеседника аргументами, как танк яичную скорлупу. Пони-
мая, что придется согласиться, я все же решила посопротив-
ляться:

– Надо спросить разрешения у Лены.

– Она будет не против!

– Все равно!

– Зачем?

– Кто тут хозяйка?

– Ты!

– Э, нет, я наемная сила!

Надеясь в глубине души, что подруга сейчас закричит:

«С ума сошла! Немедленно уводи животных», – я набрала Ленкин мобильный и вздохнула: «Абонент находится вне зоны приема».

Решив не сдаваться, позвонила в центральный офис и, услышав голос секретарши, сказала:

– Танечка, это Даша Васильева.

– Ой, Дарья Ивановна, здравствуйте!

– Где Елена Николаевна?

– В Таиланде.

– Где?!

– В Таиланде, – спокойно повторила Танюша. – А что, разве она вам не сказала? Елена Николаевна всегда в январе на две недели к морю улетает, отдохнуть, устает очень.

– Мобильный не берет?

– Нет, – рассмеялась Таня, – говорит, что хочет забыть про всех.

Я растерянно положила трубку.

– Она укатила в Таиланд на две недели.

– Ну и ну, – ухмыльнулся Аркадий, – встретит там Дегтярева, вот потеха будет.

– Здорово, – заскакала Маруська, – прямо как по заказу, значит, ты, мусечка, тут самая главная, кайфово получилось.

– Но как быть с твоей школой?

– Мусик, – удивилась Маня, – я не понимаю!

– Школьный автобус приезжает в Ложкино!

– Так мой колледж через одну улицу отсюда, даже ехать

не надо, пешком добегу, – пояснила Маня.

Я тяжело вздохнула. Все аргументы исчерпаны, похоже, придется целую неделю жить в кабинете, потому что дети вместе с собаками и кошками приволокли еще пару чемоданов с одеждой, бельем, подушками и пледами.

Не успела я прийти в себя, как в кабинет вошла полная дама с сильно нарумяненным лицом.

– Добрый день, – каменным голосом произнесла она, – санэпидстанция.

– Дарья... – начала я, но тут тетка покраснела и ткнув пальцем в мой письменный стол, взвизгнула: – Мышь! Мамочка, мышь!

– Никакая это не мышь, – недовольно сказала Маня, – а крыса!

– Крыса!!! – заорала дама. – Грызун на свободе! Разносчик чумы! Носитель блох! Ужасно!

– Да вы что! – рассердилась Маня. – Фима ручная, глядите.

И она, взяв крыску, сунула ее даме под нос.

– Уберите, – зашипела «санэпидстанция», – безобразие, а это кто?

– Хомяки!

– Нет, там, в аквариуме?

– Жаба Эльвира, хотите поближе посмотреть? – обрадовалась Маня и сняла крышку.

– Не надо, от них бородавки!

– Чушь собачья. Бородавки – вирусная инфекция, – отрезала Маруська, – передаются при рукопожатии.

– В конце концов, что тут происходит? – окончательно вышла из себя дама. – Собака у входа, на подоконнике кот, мыши...

– Крыса!

– Крыса, хомяки, ой, а это что?

– Йоркширская терьериха Жюли и пудель Черри, – безнадёжно ответила я, понимая, что главному бухгалтеру придется в этой ситуации раскошелиться не на пятьдесят, а на сто, если не на двести долларов.

Очевидно, та же мысль пришла и в голову проверяющей, потому что она мечтательно сказала:

– А в туалете у вас нет ершиков для унитаза!

Тут дверь приоткрылась, и появилась Аллочка с Хучем на руках.

– У нас санэпидстанция! – рявкнула я.

Заместительница кивнула и, не отпуская мопса, убежала.

– Маня, – велела я, – неси кофе, печенье, коньяк. Аркадий, набери... э... простите, как вас зовут?

– Нинель Митрофановна, – с достоинством ответила дама.

– Ага, отлично, набери Нинель Митрофановне книжек на складе, скажи Лидочке: для санэпидстанции.

Дети мигом испарились.

– Милые у вас животные, – подобрела Нинель Митрофа-

новна, – в особенности пуделек. Старый уже?

– Немолодой.

– А моя собака умерла, – вздохнула женщина, – все мечтаю новую завести, только какую? Маленькую хочется, ласковую.

– Мопса! – рывкнула Маня, появляясь на пороге с подносом. – Мусик, возьми кофе, я в академию опаздываю.

– Это ваша дочь? – спросила Нинель, жеманно пробуя напиток.

Я не успела ответить на этот вопрос, потому что в комнате материализовался Аркадий.

Мой сын очень хорош собой. При росте метр девяносто девять сантиметров он носит брюки сорок восьмого размера и пятидесятого пиджак. Глаза у Кешки светло-орехового оттенка, абсолютно кошачьи, волосы темно-каштановые, а на лице аристократическая бледность. Он всегда хорошо одет, модно причесан и ненавязчиво пахнет дорогим одеколоном. При этом, как у всякого адвоката, у него великолепно подвешен язык. Кешка не теряет ни при каких обстоятельствах и умеет заставить себя слушать, девушкам он нравится чрезвычайно: красивый, богатый, ласковый, просто принц. Впрочем, кое-кто из моих подруг со смехом говорит:

– Эх, будь мы лет на двадцать моложе, точно бы отбили его у тебя, Зайка.

Ольга только улыбается. Она великолепно знает, что муженек никуда не денется, даже если ему, предположим, при-

дет в голову идея совершить крен влево, он все равно вернется назад. Однако это лишь теоретические размышления, до сих пор Аркадий не пытался изменять жене, может, кому-нибудь такое поведение и покажется странным, но наш адвокат однолюб.

– Вот, – лучезарно улыбнулся Кеша, протягивая Нинель Митрофановне большой пакет, – ты, мать, нашла самую неподходящую личность для похода на склад. Ну откуда мне знать, что по душе молодой женщине? Спасибо, Лиля подсказала. Уж не ругайте, – повернулся он к гостье.

Нинель Митрофановна, скорей всего справившая несколько лет тому назад пятидесятилетие, зарделась и пробормотала:

– Ах, ерунда, я детективчики обожаю, Маринину, Полякову...

– Значит, угадал, – сиял Кешка, – у вас великолепный вкус, сам увлекаюсь. Еще кофе? По-моему, лучше со сливками.

– Ой, нет, – кокетливо прищурилась Нинель, – слишком калорийно, нужно думать о фигуре!

– Вам нужно о ней забыть, – источал мед Аркашка, – то, что великолепно, не может стать еще лучше.

– А вы комплиментщик, – заулыбалась Нинель, – так и быть, капните сливок.

– Кто, я? – ворковал Кеша, пододвигая даме жирное печенье. – Я всегда говорю только правду, одну лишь правду

и ничего, кроме правды.

Я вздохнула, глядя, как сын усиленно льстит «санэпидстанции». У французов есть такое выражение: «Врет, как адвокат».

Дверь кабинета распахнулась. С Хучем на руках влетела Аллочка. Осторожно положив мопса в кресло, она протянула Нинель пакетик. Та заглянула внутрь.

– Ладно, мне пора. Ершики в туалеты купите.

– Без проблем, – заверила, сверкая глазами, Аллочка, – приобретем самые лучшие.

– Приду через месяц и проверю.

– Будем ждать, – сияли мы улыбками, – с радостью.

Аркашка встал.

– Я в ГУИН, могу вас подвезти, если в центр собрались.

– Очень мило, – прощebetала Нинель, и они ушли.

– Гюрза потная, – вздохнула Аллочка и шлепнулась в кресло.

– У змей нет потовых желез, – машинально сообщила я.

– А у этой есть, – не согласилась заместительница. – Господи, как они мне надоели, побирушки.

– Мы сами даем!

Алла всплеснула руками:

– Прикинь, что начнется, если откажем. Со света сживут!

Я вздохнула и ничего не сказала.

ГЛАВА 7

Ровно в полдевятого я влетела в кафе «Лира» и тут только сообразила, что совершенно не знаю, как выглядит женщина, жаждущая получить от Нади тысячу рублей. Можно было крикнуть:

– Дина, вы где?

Но я не стала так поступать и оглядела зал. Он был практически пуст. За двумя столиками сидели хихикающие парочки, едва вышедшие из тинейджерского возраста, а у стены тосковала девица лет двадцати восьми. Решив, что она больше всего подходит на роль подруги Нади, я подлетела к столу и сказала:

– Дина, здравствуйте.

Девушка оторвалась от торта и хрипло сказала:

– Я не Дима, я Валера.

– Простите, – пробормотала я, – ошиблась.

– Бывает, – миролюбиво согласился парень и, тряхнув мелированной гривой, принялся спокойно доедать торт.

Я села за свободный столик и вздохнула. Надо же, как глупо получилось. Впрочем, любой бы на моем месте решил, что перед ним девушка. Крупные локоны юноши выкрашены в розовый, золотой и голубой колер, в ушах сережки, глаза подведены, и на тарелочке кусок торта со взбитыми сливками... И это мужчина?!

Не успела я раскрыть меню, как в зал вошла тетка, одетая плохо, если не сказать бедно. На вошедшей была кофта с люрексом, вытянутая трикотажная юбка и грязные сапоги-дутики, писк моды начала восьмидесятых годов. Остановившись на пороге, она принялась вертеть головой в разные стороны. Я отвела глаза. Погибшей девушке было от силы тридцать лет, а вошедшей тетке подкатывало к пятидесяти.

– Что желаете? – поинтересовалась официантка.

Я заказала кофе с пирожными и уставилась на вход в зал. Плохо одетая тетка уселась за соседний столик.

– Что желаете? – задала и ей вопрос официантка.

– Спасибо, ничего.

– Простите, – вежливо, но твердо ответила подавальщица, – но у нас нельзя сидеть, не сделав заказ.

– Жду подругу, когда придет, тогда и возьму кофе.

– Пожалуйста, – согласилась официантка и отошла.

Я повернулась к тетке:

– Простите, вы Дина?

– Да, – настороженно ответила баба, – откуда вы меня знаете?

– Ждете Надю Колпакову?

– Ну...

– Она не придет.

Дина подскочила на стуле.

– Что происходит? Вы кто?

Я взяла чашку с кофе, пирожные и переместилась за ее

столик.

– Вы кто? – нервничала Дина.

Я внимательно на нее посмотрела. Нет, она молодая, просто совсем не следит за собой. Волосы ее походят на позпрошлогоднее сено, кожа на лице серая, плохо вымытая, косметики никакой, ни пудры, ни губной помады, ни туши. И пахло от дамы не слишком приятно: грязными волосами и несвежей одеждой.

Я открыла сумочку, вытащила две купюры по пятьсот рублей и положила перед Диной.

– Вот.

Пальцами с обломанными ногтями она схватила ассигнации. Но потом одумалась и спросила:

– Да что происходит? Объясните, в конце концов. Надька совсем заболела? У нее грипп?

– Наде очень плохо, – осторожно сообщила я, – вы ее подруга?

Дина кивнула.

– Наде очень нехорошо, – продолжала я, – хуже некуда.

– Ничего, – отмахнулась собеседница, – поправится, у нее здоровья два грузовика, не то что у меня. Возраст у нас один, только я насковзь больная, а у Надьки даже голова никогда не шелкает. Прямо странно, что ее вирус свалил, она последний раз соплями обвешивалась, когда в первом классе была.

– Вы учились вместе в школе?

– Ага, десять лет за одной партой просидели, – вздохнула

Дина, – только я дура, а она умная.

– Ну зачем вы так про себя, – протянула я.

– Сделаем заказик, – прошебетала подлетевшая официантка.

Дина растерянно посмотрела на меня. Я ласково улыбнулась:

– Давайте выпьем за знакомство, я угощаю.

Девушка повеселела.

– Ну капельку можно.

– Отлично, – затараторила я, – принесите нам коньяк, кофе, пирожные со взбитыми сливками.

– Какие? Хотите блюдо ассорти?

– Давайте.

Когда заказ прибыл, Дина набросилась на корзиночки и трубочки. Я никогда особо не следила за фигурой, она была у меня стройной от природы, поэтому могу позволить себе слопать лишнее пирожное или тарелку макарон с жирным соусом. Но проглотить четыре корзиночки, доверху набитые взбитыми сливками, а потом, не поморщившись, приняться за эклеры, такое мне слабо! Дина же недрогнувшей рукой переместила к себе на тарелочку пятое по счету пирожное и удовлетворенно вздохнула. Может, она настолько бедна, что не может позволить себе купить сладкое и сейчас оттягивается за долгие недели воздержания?

– Надька у нас умная-разумная, – болтала Дина, – впрочем, вы небось и сами про нее все знаете.

– Нет, – покачала я головой, – мы не дружим.

– Что же она вас с деньгами прислала?

– Давайте еще пирожных закажем? – Я быстренько решила сменить опасную тему.

– Лучше пирожков с мясом, – вздохнула Дина.

И то верно! Мадемуазель переела сладкого, и теперь ее потянуло на иную пищу. Появились пирожки. Проглотив три штуки, Дина пробормотала:

– А вы отчего не едите?

– Аппетита нет.

– Но тут целых пять осталось.

– Ерунда.

– Можно, я их домой заберу?

– Конечно, дорогая. Кстати, хотите еще и пирожных прихватить? Они тут всегда свежие и вкусные.

– Ну, – замялась Дина, – если только эклеры...

Я быстренько подозвала официантку, и на столике появилось несколько белых коробочек, аккуратно перевязанных бечевкой. Внезапно Дина расплакалась.

– Что случилось? – испугалась я.

– Это Надька вам велела надо мной поиздеваться!

– Господи, да что я сделала?

– Пирожные эти, – ткнула некрасивым пальцем Дина в сторону коробочек. – Сказала небось, пусть почувствует себя униженной.

– Какой вздор! – вскипела я. – Просто мне показалось,

что вам понравилась выпечка, вот я и решила купить эклеры. Себе тоже закажу.

– Вы не представляете, – всхлипывала девушка, – как отвратительно быть нищей, считать копейки, одеваться в секонд-хэнде и постоянно экономить на всем.

– Отчего же! Очень хорошо это знаю. Долгие годы я существовала на крохотную зарплату!

– Нет, не понимаете, – размазывала по лицу сопли Дина, – меня никто не уважает! Вот Надька деньги дала, да не сама привезла, а вас отправила.

– Надя...

– Ой, не верю я в ее болезни! – взвизгнула «подруга». – Просто ей богатство в голову ударило! От денег у многих башку сносит. Знаете, откуда у нее все?

– Нет.

– Так сейчас расскажу, – оживилась она.

Я вздохнула. Все-таки люди крайне неблагодарные животные. Очень многие норовят сделать гадость тому, кто подал им руку помощи, а все зависть!

Однажды моя бабушка Афанасия со вздохом сказала:

– Дашенька, не зови к нам Катю Ковалеву.

Я очень удивилась. Афанасия всегда приветливо встречала моих подруг, кормила обедом и доставала из буфета остродефицитные тогда шоколадные конфеты.

– Тебе не нравится, что у нее папа алкоголик? – с детским простодушием поинтересовалась я.

– Нет, – покачала головой бабушка, – Катерина плохая подруга.

– Неправда, – с жаром воскликнула я, – Катька хорошая! Она так меня жалела, когда десятиклассники портфель на шкаф запихнули.

Афанасия вздохнула:

– Маленькая ты еще, глупая. Не тот друг, что в несчастье пожалеет, а тот, что твоей радости порадуется.

– Не понимаю.

– Когда ты на катке руку сломала, как поступила Катя?

– Ну, – призадумалась я, – сочувствовала, а потом сказала, что мне даже повезло, целую четверть писать не придется.

– Ладно, – улыбнулась бабушка, – а когда вчера ты показала ей новое платье?

Я поморщилась.

– Сначала промолчала, а потом посоветовала не носить плиссированные юбки, они меня полнят! Может, и правда не надо, а, бабуль?

Афанасия погладила меня по голове.

– Детка, больше всего ты похожа на весеннюю кильку. Просто твоя подружка завистлива, а между настоящими друзьями нет места для этого чувства.

Вот и Дина с трудом пыталась справиться с завистью, но та упорно поднимала голову, нашептывая ей:

– У Надьки-то все лучше, книжки ярче, игрушек больше.

Надюша и впрямь жила в более благополучной, чем Дина,

семье. У Диночки имелась только мама, учительница начальных классов, папа исчез, когда дочери исполнился год, и с тех пор бедная мать выбивалась из сил, чтобы одеть, обууть и прокормить детей. К тому же, как истинный советский педагог, она считала игрушки глупой забавой, и у Дины на полочке сидели пластмассовый пупс и потрепанный мишка. Книжки мама одобряла, но не все. Пушкин, Чехов, Тургенев – это да. Дюма считался отвратительным. И к одежде у нее были свои требования.

– Главное, чистота, – внушала она Дине, просившей джинсы, – светленькая кофточка, черненькая юбочка, и ты одета лучше всех.

Белый верх, темный низ в глазах мамы-педагога – это была лучшая униформа на все времена. Сами понимаете, что всяческая косметика запрещалась, а в ванной, на бортике лежал кусок детского мыла.

– Шампуни портят волосы, – вдалбливала Анна Евгеньевна в голову дочери.

Потом, впрочем, иногда со вздохом добавляла:

– Да и дорогие очень.

Дина молчала, она давно поняла, что с матерью бесполезно спорить, это как против ветра плевать, тебе же в лицо и отлетит. Но, забегая в гости к Наде, Дина частенько мыла голову, выдавливая на ладонь из пластмассового флакона приятно пахнущую массу. Волосы после становились блестящими, пушистыми, легко укладывались. А попользовав-

шись мылом, Диночка плакала. Шевелюра сбивалась в ком, пряди не желали распутываться, и на них лежал какой-то серый налет.

Но у Надюши был не только хороший шампунь. Она часто притаскивала в класс диковинные вещи: жвачки, шариковые ручки, чипсы... Это все привозил ее папа-летчик, регулярно гонявший свой самолет по маршруту Москва—Берлин—Москва. Потом вдруг благосостояние подруги лопнуло. Папа-летчик умер от сердечного приступа, следом за ним отправилась и мама. Надюша только-только перешла в десятый класс. Правда, у нее еще был старший брат, двадцатилетний Алешка, который героически принялся заботиться о сестре, но получалось у него плохо, денег в их доме хронически не хватало.

Сначала брат с сестрой, не приученные к экономии, быстро растратили «подкожный запас», оставшийся от родителей, потом продали кучу вещей, а когда опомнились и поняли, что нужно считать не только рубли, но и копейки, то беречь было уже нечего. Теперь Наденька бегала к Дине и, особо не чванясь, ела суп из перловки да гречневую кашу с жареным на подсолнечном масле луком. В прежние года Надюша всегда отказывалась от подобного угощения, вежливо говоря:

– Большое спасибо, я уже кушала.

Но сейчас мигом проглатывала содержимое тарелки и выжидательно поглядывала на суповую кастрюлю. Дина нали-

вала добавку и говорила:

– Ешь сколько влезет.

На ее лице была откровенная жалость, но в душе... О, Диночка предпочитала не заглядывать так глубоко, потому что там жила радость. Вот как оно в жизни случается: из князи да в грязи. Теперь было все наоборот: Дина обеспеченная, а Надя голодранка! Школу девочки закончили в 90-м году. И здесь их дороги разошлись. Надюша хотела пойти в парикмахерское училище, но брат воспротивился:

– Придумала дурь! Всю жизнь вокруг чужой грязной головы пропрыгать! Нет уж, ты должна получить высшее образование.

– Сильно тебе МАДИ помог? – попыталась сопротивляться Надя. – На пятый курс перешел, и что? Какие перспективы?

Но Лешка упорно стоял на своем, и пришлось покориться. Единственное, в чем ей уступил брат, это в выборе профессии. Алексей предлагал идти в медицинский, но Надя уперлась:

– Нет! Только на искусствоведческий.

Брат согласился, втайне надеясь, что сестрица не попадет в модный вуз и успеет перетащить документы в стоматологический. Но Надя неожиданно сдала все экзамены на «отлично».

В начале 90-х годов Колпаковы бедствовали отчаянно. Лешка крутился, как черт в колесе. В 94-м он начал коро-

бейничать. Ездил по городам и весям, предлагая людям всякую ерунду. Но денег все равно хватало лишь на хлеб.

У Дины же ситуация складывалась по-иному. Она тоже поступила в институт, и во время новогоднего бала на симпатичную первокурсницу обратил внимание местный принц, дипломник Олег Рогов – друг Алексея. Весной сыграли свадьбу, осенью родилась девочка, через год сразу двойня. О какой учебе могла идти речь? Тем более что Олег начал отлично зарабатывать, основал фирму, торгующую бытовой техникой. В 95-м году у него было все: отличная квартира, великолепная машина, хорошо налаженный бизнес. Иногда, из чистой жалости, он давал Алексею соковыжималки и мясорубки на реализацию.

Колпаковы тоже пытались встать на ноги, но получалось у них плохо. Надюша оказалась без работы, а Лешка начал прикладываться к бутылке. Правда, алкоголиком он стать не успел, потому что в 98-м году произошли события, мигом поменявшие местами Дину и Надю.

В августе, как всем известно, приключился дефолт. Бизнес Рогова лопнул. Мужик предпринял героические попытки, стараясь удержаться на плаву: продал квартиру, машину, но даже эти финансовые вливания не помогли. Олег стал одним из армии разорившихся предпринимателей. Перенести такой удар не каждому по плечу. Впрочем, кое-кто, получив от судьбы пинок, стискивает зубы и, ломая ногти, вновь лезет к вершине.

Олег оказался слаб духом. Лучшим другом для него стала бутылка. И в отличие от Лешки, выпивавшего каждый день, но понемногу, он начал нажираться до поросячьего визга. К концу ноября Олег стал ходить на бомжа или наркомана, которого ничто, кроме дозы, в жизни не интересует. Но самым неприятным для Дины оказалось не это. В том же самом ноябре, когда Диночка окончательно поняла, что финансовое благополучие безвозвратно лопнуло, в этом дождливом, отвратительном месяце к Наде пришло сказочное богатство, просто упало в руки, как переспевшая груша. Какая-то дальняя родственница, Дина не поняла кто, оставила Колпаковым наследство. Шикарный дом в местечке Калиново, совсем недалеко от Москвы, кучу денег, драгоценности, одним словом, все нажитое за долгую жизнь.

Лешка с Надькой отремонтировали свои хоромы. Лешка начал торговать автомобилями и весьма преуспел. А у Нади открылся талант оценщика антиквариата. Одного взгляда, мельком брошенного на вещь, хватало Колпаковой для того, чтобы сделать вывод о ее стоимости. Она никогда не ошибалась, поэтому столичные коллекционеры принялись наперебой зазывать Надю к себе. В карман потекли денежки, их стало столько, что и не потратить. Лешка с Надькой оделись, обулись, как короли, приобрели автомобили и по несколько раз в год ездили за границу. Жизнь поднимала их вверх, а Дина, наоборот, падала вниз. Что у нее было? Трое хныкающих, постоянно растающих из одежек детей, потерявший

человеческий облик алкоголик-муж, утаскивающий трясу-щимися руками из дома все, что можно обменять на бутылку, отсутствие специального образования и работы...

Но больше всего Дину расстраивала доброта Нади. Лучшая подруга приезжала в гости, нагруженная набитыми под завязку торбами, совала детям шоколадки и приговаривала:

– Не падай духом, Динка, жизнь, она как качели: туда-сюда, вверх-вниз. Было на твоей улице счастье, теперь ко мне заглянуло, скоро и у тебя вновь окажется.

После ее ухода на столе частенько обнаруживался конвертик с деньгами, и Дине делалось совсем гадко. Надя своей добротой унижала подругу... Одним словом, жизнь была ужасна.

– И ведь что ни случись, у нее только денег прибывает, – ныла Дина, поглощая шестой пирожок, – прямо проклятье какое-то. Вот, Лешку убили...

– Как? – подскочила я. – Брата Нади?

– Ага, – равнодушно ответила Дина и нацелилась на очередную кусок слоеного пирожка с мясом.

– Когда?

– Осенью, – пробормотала собеседница, – то ли в октябре, то ли в ноябре, не помню.

– За что?

– Фиг его знает. – Дина пожала плечами. – Небось дорогу кому перешел, коммерсант!

– На него было совершено покушение?

Девушка развела руками:

– Сначала сказали – авария, дорожно-транспортное происшествие, он на огромной скорости со всей дури прямо в пост ГИБДД вломился, вместе с ним еще парочка ментов на тот свет отлетела, а потом Надька говорила, что дело завели. Вроде кто-то с его тормозами намудрил, сломал их нарочно. Но с подробностями я незнакома. Трезвый он был, вот это точно, потому что пить совсем бросил еще в 98-м.

Узнав о кончине Алексея, Дина решила, что Надя потеряет автомобильный бизнес, в который Колпаковы вложили большую часть средств. Рафинированная искусствоведша совершенно не разбиралась в моторах, колесах и кузовах. Но Наденька наняла управляющего, и денежный фонтан забил с утроенной силой. Лешка был человек боязливый, осторожный, неохотно применявший новшества и недооценивавший значение рекламы, а новый управляющий мигом увеличил выручку, сделав Надьку еще богаче.

– Ничего ее не берет, – жаловалась Дина, – ну совсем ничего. А самое обидно знаете что?

– Что?

– Все ее нынешние знакомые уверены, будто богатство они с Лешкой заработали исключительно благодаря собственному уму и сообразительности. А на самом деле оно им обманом досталось, – внезапно выпалила собеседница и замолчала.

– Почему обманом? – удивилась я. – Сами же говорили,

они наследство получили, от родственницы.

– Это я не так выразилась, – вздохнула Дина, – не обманом, а дуриком. А насчет родственников... Да они и вспомнить не могли, кто это такая, Наталья Филимонова. У них вообще семья дурацкая. Папа из детского дома был, у матери все в войну погибли. Никаких там бабушек, дедушек, тетюшек... Хотя, может, это и к лучшему. Вон у моего Олега мать жива, какой с нее толк? Лежит целый день в кровати и стонет: тут у нее болит, там хватает, а она что думала? До стольких лет дожила, и болячки не приклеятся? Теперь лишний рот. Корми ее, пои, лекарства покупай... Моим детям на фрукты не хватает, а я гримзе за сто рублей таблетки от язвы волоки. Знаете, какие медикаменты дорогие! А что я от свекрови видела? Может, она нам дачу сберегла? Или квартиру? Нет ведь! Стоило свекру помереть, она как с цепи сорвалась. Все продала и объяснила: «Живу один раз, хочу мир посмотреть...»

И ну кататься: Париж, Лондон, Цюрих, Бонн. Везде в лучших гостиницах останавливалась. За два года профукала денежки. Другие детям копят, внукам, а эта! Теперь ноет: «Диночка, душенька, купи цветной капусты, очень хочется».

Нет уж, бабуля дорогая, прогуляла все, теперь жри овсянку на воде!

Выпалив последнюю фразу, девица схватила бумажную салфетку и вытерла капельки пота над верхней губой. От Диночки исходили волны злобы, ее малопривлекательное ли-

чико стало еще гаже.

– А Олег... – начала она.

Но я, понимая, что сейчас собеседница примется выливать ушаты дерьма на мужа, мигом перебила ее:

– И что, они так и не узнали, кто это, Наталья Филимонова?

– Вспомнили в конце концов, – фыркнула Дина. – Лешка в Калиново поехал, ну где им дом оставили, и сообразил. Тетка она им, двоюродная сестра матери. При жизни-то не общались. Ну надо же, как повезло! Затрат никаких. Подарков на дни рождения не носили, в больницах возле тетки не сидели, не терпели вздорную бабу, и пожалуйста – все денежки разом огребли. Вот уж счастье привалило, полной меркой. Сказать кому, не поверят. Вечно так: одной конфетка, другой фантик. Мне господь ничего не послал, ничегошеньки, все подарки другим достались.

И она вновь зашмыгала носом, но на этот раз в моей душе не шевельнулась жалость. У бога всевидящие очи, и, если он не дает Дине богатства, значит, она его не заслужила.

ГЛАВА 8

В «Офеню» я явилась к одиннадцати.

– Муся! – заорала Маня, кидаясь ко мне сломя голову.

– Осторожней, милая, – начала я, но Машка, желая выложить мне все новости, произошедшие за день, не смотрела под ноги. Правой кроссовкой она задела один из стеллажей, и книги в ярких глянцевах обложках водопадом рухнули на пол.

– Ну ты и растяпа! – выпалила я. – Теперь подбирай, да смотри, аккуратно.

– Наставили тут капканов, – пробурчала Маня и заорала: – Леля, иди сюда!

Из глубины магазина вышла Леля Сыромятникова.

– Интересное дело! – удивилась я. – Ты-то как сюда попала?

Леля – единственная дочь нашего соседа по коттеджному поселку Ложкино, банкира Сыромятникова. Уж не знаю, в каких финансовых реках выловил Иван Александрович свое нынешнее благосостояние. Сами понимаете, о таких вещах у полужнакомых и даже у очень хорошо знакомых людей не спрашивают. Но как соседи Сыромятниковы просто идеальны. Всегда вежливые, приветливые, готовые прийти на помощь. Карина, мать Лели, не работает, она бывшая манекенщица, Иван Александрович, наоборот, практически никогда

не бывает дома. Никаких шумных вечеринок с пьяными песнями и стрельбой они не устраивают, к тому же у них имеется любимый кот Сомс, постоянный кавалер наших Фифины и Клепы, поэтому Карина никогда не сердится, если кошки мнут цветы, а собак она частенько зазывает к себе, в особенности старушку Черри, и от души угощает чем-нибудь вкусненьким. Но сейчас Карина уехала в Карловы Вары лечить бунтующую печень.

– У нас дома тоже темно, – пояснила Леля, – и стекла выбиты. Вот я и решила с Машей пожить. Тут удобно, колледж напротив.

– Погоди, погоди, – недоумевала я, – и няня, Вероника Сергеевна, тебя отпустила?

– А мама ее уволила.

– Веронику? За что? Когда?

– Ну, – смутилась Леля, – в общем...

– Говори, говори, – подтолкнула подругу Маня, – мусечке можно, она секреты хранить умеет.

– Ну, – продолжила Леля, – мама их с папой застала на диване в кабинете. Они-то думали, что мамочка в парикмахерской надолго засела, а она выехала из ворот, а «мерс» возьми да сломайся.

Кара пошла пешком домой. Представьте теперь ее негодование, когда перед глазами предстала дивная картина: собственный муж и обнаженная няня. Веронику выставили вон, а злая Карина на следующий день уехала в Карловы Вары,

заявив обескураженному супругу:

– Сам занимайся Лелей, больше никаких прислуг.

Два дня Иван Александрович честно приезжал домой к восьми, а потом приключился ураган.

– Папа сказал, – поясняла Леля, – если с вами, то нам можно жить хоть в магазине, хоть в скобяной лавке.

– Ты не одна? – подскочила я.

– Мулечка, – укоризненно сказала Маня, – естественно. Леля вместе с Сомсом.

Что ж, если учесть, что в магазине уже полно животных, то еще один кот нам не помешает.

– Ладно, – вздохнула я, – как-нибудь разместимся.

– Мы ляжем спать у Алочки в кабинете! – закричали девицы.

Создавшаяся ситуация нравилась им безумно. Жить в книжном магазине, что может быть прикольной! Честно говоря, я не разделяла их восторгов. Здесь около меня нет ни Ирки, ни Катерины, и думать об ужине для детей предстоит самой.

Маня и Леля начали подбирать книги, я пошла наверх и обнаружила, что девочки позаботились не только о себе, но и обо мне. Диван был разложен и застелен, на письменном столе виднелись две пустые пластмассовые коробки из-под китайской лапши и шкурки от грейпфрутов. К дивану был придвинут стул, на нем лежала шоколадка и книга Марининой. Маруська явно хотела доставить матери удовольствие.

Я умылась, немного почитала и выключила свет.

– Мусик, – заорала Маня, всовывая голову в кабинет, – ты знаешь, что тут мыши?!

– Ты купила мышей? – пробормотала я, готовая после встречи с Лелей ко всему.

– Нет, – ответила Маня, – здесь самые обычные, домовые, серые.

– Откуда ты знаешь?

– Видела внизу, в торговом зале. Как думаешь, они могут погрызть книги?

– Ну на этот вопрос ответ надо скорей у тебя спрашивать, кто у нас будущий ветеринар?

– Не закрывай дверь в кабинет, – велела Маня, – пусть Клепа, Фифина и Сомс ночью по магазину ходят.

– Хорошая идея, – пробормотала я, засыпая.

Маня еще что-то говорила, но мои веки склеились, и звук перестал проникать в уши.

Проснувшись я от тяжести. Кто-то положил мне на спину мешок с мукой. Покряхтывая, я вывинтилась из-под одеяла и увидела Хуча.

– Ну, дружок, так не пойдет, иди спать в кресло, диван узкий, это не моя кровать в Ложкине!

Но мопс не хотел уходить, дремать, используя вместо подстилки хозяйку, казалось ему более привлекательным, чем куковать одному в холодном кресле. Я попыталась спихнуть Хуча на пол, но не тут-то было. Если Хучик не желает че-

го-то делать, заставить его невозможно.

Потерпев неудачу, я решила пойти вниз попить воды, зря не подумала оставить на ночь в кабинете бутылку минералки. Халата у меня не было. Кеша и Маруся забыли прихватить его из дома, одеваться мне не хотелось, поэтому я вышла на лестницу прямо в коротенькой ночной рубашке. Стесняться некого, в магазине только я и девочки.

Но не успела я сделать пару шагов, как увидела небольшую точку света, перемещавшуюся вниз. Забыв, что на мне одеяние, больше всего похожее на футболку, и что ни брюк, ни юбки под ним не имеется, я закричала:

– Эй, кто там?

Точка мигом погасла.

– Кто там?

Молчание.

– Немедленно отвечайте!

Снизу послышался легкий шорох, словно незнакомец бежал на цыпочках по залу.

– Стой! – заорала я и ринулась вниз.

Все ясно, в «Офеню» проник вор. Сигнализацию мы сегодня не включали, сообщив на пульт, что на ночь в магазине останутся люди. Вневедомственная охрана не возражала, и вот теперь сюда влез грабитель.

– Стой! – вопила я, перепрыгивая через ступеньки. – Стой немедленно!

Но тут произошло непредвиденное. Вылетев в темный

зал, я совершенно забыла, что слева стоят два огромных стенда «Новинки». Левая нога зацепилась за полочку. В ту же секунду я рухнула на пол, а сверху на меня посыпалась гора литературы.

Вспыхнул свет. Заспанные девочки в пижамах стояли надо мной.

– Что случилось? – хором спросили они.

– Тут был вор.

Машка подошла ко входной двери.

– Нет, заперто изнутри.

– Но я видела свет от фонарика.

– Мусечка, – сказала дочь, – это невозможно, смотри, щелка задвинута. Ты сама ее закрыла.

– Я? Нет!

– Ну, значит, мы закрыли, – не стала спорить Машка.

– Но фонарик!

Маруська постояла секунду в задумчивости, потом повернулась к Леле:

– Дай твой брелок, ну тот, с подсветкой.

Леля кивнула и сбегала за ним наверх.

– А теперь, мусечка, иди на второй этаж, – велела дочь.

Я покорно поднялась по ступенькам.

Свет погас, а через пару минут по залу заметался тонкий лучик.

– Вот, – обрадовалась я, – точь-в-точь такой.

Раздался стук двери и веселый Машкин голос:

– Ну, ты поняла, что никого внутри не было? Я вышла наружу и посветила в витрину.

– Ты ходила на улицу в пижаме! – возмутилась я. – С ума сошла! Во-первых, на улице январь, а во-вторых, мы не в Ложкине!

– Мусечка, не занудничай, – вздохнула дочь, – я хотела тебя успокоить. Просто некая личность стояла у магазина и направляла фонарь на витрину.

– Зачем?

– Ну, идиотов много, – философски заметила Машка, – может, любопытный, а может, и впрямь залезть сюда хотел.

– Но шорох!

– Муся, – вздохнула Маня, – это мыши, серые, домовые, грызуны, всего лишь мыши.

– И сказала кошка: «Тише, тише, тише, не буди, мне во сне приснились мыши, не одна, а целых три», – неожиданно заявила Леля, потом увидела мое удивленное лицо и добавила: – Песенка такая есть, детская, про киску, которая грезит о мышках.

– Все таинственные обстоятельства имеют логическое объяснение, – подвела итог Машка.

– И инопланетяне? – спросила простоватая Леля.

– Лучше помогите книги на место расставить, – вздохнула я.

Короче говоря, не выспались мы совершенно. Где-то около пяти, распахав томики на полки, легли вздремнуть. Не

успели мои глаза закрыться, как раздался отвратительный резкий треск. Семь сорок, пора вставать.

Я заглянула в кабинет к Аллочке и вздохнула. У заместительницы стоят два дивана, весьма неудобных, вот девочки и решили проблемы по-своему. Стащили с них подушки и устроились на полу. Импровизированное ложе окружали собаки: Банди, Снап, Черри и Жюли, Хуч предпочел спать со мной. Поверх одеял мирно дремали кошки Фифина и Клеопатра. Сомс сидел на подушке, возле головы Мани. Увидав меня, он издал короткое «мяу» и гордо сверкнул круглыми зелеными глазами. У кота был радостный, если не сказать счастливый вид, учитывая, что его еще с утра не кормили, это выглядело странно.

– Тебе понравилось бродить ночью по магазину? – спросила я у Сомса и уже собралась погладить его по пушистой спинке, но тут заметила на макушке Маруси, в ее светло-русых волосах, какой-то странный комочек темно-серого цвета. Недоумевая, я наклонилась пониже, похоже на кусок меха со шнурком, может, кот оторвал помпон от Лелиной шапки? Я совсем приблизила лицо к подушке и заорала от неожиданности:

– Мама!!!

Девчонки подскочили.

– Что? – спросила Леля. – Опаздываем, да? В школу?

– Нет, – сердито ответила Маня, – мусечка визжит. Книги опять упали?

Я только тыкала пальцем в ее волосы.

– Там, там...

Машка запустила руку в пряди и вытащила... дохлую мышь.

– Подумаешь, мышка!

– Она мертвая! – взвизгнула я.

– Это лучше, чем живая, – возразила Машуня, – не укусит, небось Сомс принес.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

– А он весь вечер тут засады устраивал, – пояснила дочь, – видишь, весьма удачно. Потом мне добычу приволок, угостить хотел, хороший кот.

И она поцеловала усатую морду. Мне стало интересно.

– Почему же он решил побаловать тебя, а не Лелю?

Маруська встала и потянулась.

– Кошки очень памятьливы, а Сомс еще и благодарен. Помнишь, как недели три тому назад я вытащила у него из горла рыбью кость?

Было такое дело! Леля ворвалась к нам вся в слезах, держа в руках Сомса. Кот сидел с разинутой пастью, из которой текли слюни, а на морде было самое несчастное выражение.

Маруська мигом поняла суть проблемы и ловко вытащила острую кость, которая застряла у несчастного в глотке. Остаток вечера Сомс сидел у Маши на коленях и преданно терся ушастой головой о подбородок спасительницы.

– Теперь ему представилась возможность отблагодарить

меня, – пояснила Маня и добавила: – Мусечка, будь другом, а?

– Что, детка?

– Больше не ори так у меня над ухом, а то я чуть не скончалась от ужаса. И откуда только у тебя такой голос взялся?

– Сама не пойму, – вздохнула я и пошла на первый этаж ставить чайник.

Торговый зал выглядел совершенно обычно. Ничто не указывало на то, что ночью я носилась по помещению, роняя книги. Вдруг послышалось бодрое цоканье. Это Бандюша летел по лестнице вниз. Добежав до двери, он сел у входа и замел хвостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.